

шие съ небольшими командами при Игельстромѣ, были схвачены толпою уже «по двухсutoчномъ сраженіи при ослабленіи силъ противъ мятежниковъ»¹⁾. Убито и захвачено было строевыхъ лошадей 289 и 35 подъемныхъ — всѣхъ 324. Въ послѣдствіи нѣкоторымъ изъ нижнихъ чиновъ удалось бѣжать изъ плѣна. Такъ, 16 октября бѣжалъ и присоединился къ полку штабъ-трубачъ Осипъ Андинскій. Онъ далъ подробное показаніе о времени, проведенномъ въ плѣну въ Варшавѣ. Къ великому сожалѣнію, показанія этого въ дѣлахъ не оказалось, изъ рапорта только видно, что оно «при семъ прилагалось»²⁾.

Бѣжали также раньше еще вахмистръ Леонтовскій и рядовые — Носковъ, Бѣликъ и Калликъ. Убѣживъ изъ Варшавы, гдѣ ихъ содержали подъ строгимъ надзоромъ, они пристали винчаться къ Херсонскому легкоконному полку и были зачислены въ этотъ полкъ, что тогда дѣлалось легко и зависило только отъ команда. Но они неотступно просили, чтобы ихъ отправили въ свой полкъ, чего, послѣ долгихъ усилий, и добились³⁾. Видимо въ то время, столь тяжелое для жизни солдата, въ Харьковскомъ полку жилось хорошо, если нижніе чины вернувшись въ него такъ рвались³⁾.

Выїдя изъ города, Игельстромъ направился въ прусскія владѣнія, въ г. Закроичимъ (на Вислѣ, не далеко отъ Новогеоргіевской крѣпости) и только 9 числа узналъ объ участіи войскъ, вышедшихъ изъ Варшавы и направившихся въ противоположную отъ него сторону. Къ нему въ Закроичимъ начали собираться войска, съ которыми (7 тысячи) онъ и расположился послѣ въ г. Ловичѣ (Варшавская губ. надъ р. Бзурую).

По сосредоточіи войскъ въ Ловичѣ, Харьковскій полкъ былъ расположенъ на квартире въ м. Равѣ (Петроковской

что «по разстройству» не можетъ представить вполнѣ обстоятельной вѣдомости.
(Мѣс. рап. полка).

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

²⁾ Мос. арх. оп. 196, № 5.

³⁾ Ibidem.

губ.), на тогдашней прусской границѣ. Временно принятъ былъ полкъ, по приказавшему Игельстрому, Бригадиромъ Федоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ. Въ Равѣ Харьковцы простояли до юля, приводя въ исправность и комплектъ все, что было потеряно во время варшавской революціи. Потерялъ же полкъ всѣ письменныя дѣла, которая были захвачены съ бывшими при нихъ служителями¹⁾, лишился также обоза, денежного ящика, всѣхъ своихъ мундирныхъ, амуничьихъ и другихъ вещей, составлявшихъ его материальную и хозяйственную часть. Солдаты, выскачивая поспѣшно при первыхъ ударахъ набата и спѣша на сборные пункты, побросали все свое имущество и остались поэтому только въ томъ, что было тогда надѣто на нихъ. Офицеры потеряли все свое имущество. Единственное положеніе полка, потерявшаго такъ много, усилилось еще тѣмъ, что во весь 1794 годъ нижніе чины не получали годовыхъ, амуничьихъ и срочныхъ вещей; даже не получили жалованія за майскую третью, а, равнымъ образомъ, и за сентябрскую прошлаго, 1793 года²⁾). Въ донесеніи своемъ Генералъ Ферзенъ, говоря объ этомъ, замѣчаетъ, что, несмотря на все то, онъ не можетъ нахвалиться тѣмъ бодрымъ духомъ, тою охотою и терпѣніемъ, съ которою войска его корпуса (съ юля Харьковскій полкъ былъ уже подъ его командою) переносили всѣ лишенія и недостатки. По рапортамъ полка за апрѣль показано, что требовалось въ добавку 187 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 401 лошадь (23 подъемныхъ). Главнымъ образомъ, полкъ понес громадную потерю въ лошадяхъ, которую скоро пополнить путемъ покупки было трудно въ странѣ, такъ сильно истощенной безпрестанными войнами и беспорядками. Всѣхъ пѣшихъ нижнихъ чиновъ выдѣлили въ особый пѣшій эскадронъ, который и былъ очень долго. Объ этомъ эскадронѣ упоминается еще въ мѣсячныхъ рапортахъ полка за сен-

¹⁾ Мѣс. рап. полка за февр. 1795 г.

²⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1221.

тябрь мѣсяцъ этого года; онъ подъ командою Поручика Ко-
валевскаго находился тогда при провіантской комиссіи, быв-
шей при корпусѣ¹⁾.

Еще во время самой революціи варшавяне поручили пре-
зиденту города Закжевскому гражданскую власть, а генераламъ
Макроновскому и Заревскому ввѣрили военную. Король во
все это время сидѣлъ тихо въ своемъ замкѣ. Ему, въ видѣ
совѣта, дали 30 человѣкъ, но его никто не слушался, и на
ходъ событий онъ не имѣлъ ровно никакого вліянія. Поло-
жение русскихъ пленныхъ въ первое время было очень опас-
ное. Эти несчастные, поразаженные по разнымъ мѣстамъ,
ежечасно ожидали смерти, которой требовали варшавяне, раз-
свирѣпѣвшіе, подобно дикимъ звѣрямъ, отъ вида пролитой
крови. Такъ, въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ ухода рус-
скихъ, партию пленныхъ хотѣли перевести изъ одной пере-
полненной уже тюрьмы въ другую. Вслѣдствіе произшедшаго
по какому-то поводу спора между пленными и стражею
первые были перебиты набросившимся народомъ. Не доволь-
ствуясь этимъ и требуя все новыхъ жертвъ, чернь устрѣ-
милась было къ арсеналу, намѣреваясь перебить заключен-
ныхъ тамъ пленныхъ. Къ счастью, власти успѣли отстоять
и не допустить этого нового злодѣйства. Въ день Пасхи
пленныхъ водили по улицамъ и ругались надъ ними²⁾. Имъ угрожала большая опасность, жизнь ихъ висѣло каж-
дую минуту на волоскѣ, ибо въ городѣ тогда шли большія
волненія и распри.

По выходѣ русскихъ изъ Варшавы, была назначена по-
ляками депутація сдѣлать ревизію архива, найденнаго въ
разграбленномъ инсургентами дворцѣ Игельстрома. Депутація
нашла въ немъ письма и документы, свидѣтельствовавшіе о
сношеніи польскихъ магнатовъ съ русскимъ правительствомъ,
а въ расходныхъ книгахъ посланника собственноручныя рас-

¹⁾ Мос. арх. Годовой отчетъ за 1794 г.

²⁾ Н. Костомаровъ. Пос. годы Рѣчи Пос. т. II, ст. 493.

писки въ полученіи русскаго золота гетмановъ Ожаровскаго
и Забѣллы, инфлянтскаго епископа Коссаковскаго, маршала
рады Анткевича и нѣкоторыхъ другихъ. Эти личности, подо-
зрѣваемыя и ранѣе того сторонниками Россіи, были арестованы
въ первый еще день революціи и содержаны подъ стражею.
Въ Варшавѣ вечеромъ 26 апрѣля (8 мая) произошли новые
безпорядки, поднятые сторонниками Анткевича изъ желанія
освободить его; это и ускорило развязку. Волненіе приняло
большіе размѣры, чернь требовала казни противниковъ воз-
станія. Для успокоенія народа и прекращенія безпорядковъ
власти поспѣшили покончить съ арестованными. При свѣтѣ
факеловъ (27 апр.) были построены три висилицы предъ
ратушою на Старомъ Мѣстѣ, а четвертая на Краковскомъ
Предмѣстіи предъ костеломъ Оо. Бернардиновъ.

На другой день тысячи народа собрались на площадѣ
предъ ратушою, куда привели и обвиняемыхъ. Судь три
часа разбиралъ это дѣло, призналь ихъ виновными и по-
становилъ повѣсить гетмановъ, епископа и маршала. Узнавъ
о томъ народъ, терпѣливо стоявшій все это время въ ожи-
даніи, радостными криками выразилъ свое одобреніе. Испол-
неніе приговора послѣдовало тотчасъ-же. Призваны были
оо. Капуцины приготовить осужденныхъ къ смерти. Послѣ
исповѣди, повторенной иными нѣсколько разъ, Ожаровскій,
Забѣлло и Анткевичъ были повѣшены противъ ратуши, Кос-
саковскій-же на Краковскомъ предмѣстіи противъ костела¹⁾.
У епископа было много сторонниковъ. Опасались, чтобы они
не отбили его. Поэтому висилица и была поставлена около
самаго костела, чтобы, по совершеніи въ немъ обряда ли-
шенія сана, не нужно было бы вести его далеко, а повѣ-
сить тутъ-же.

Волненія и шумъ, происходившіе по этому случаю, за-
ставляли трепетать нашихъ пленныхъ, не знавшихъ при-
чины и считавшихъ, что этотъ шумъ — крики черни,

¹⁾ Korresp.... ст. 801—803, Oredownik naukowy 1842 г., ст. 369.

требовавшіе ихъ смерти. Впрочемъ, они скоро были утѣшены вспѣшими къ нимъ поляками, которые сказали: «Москали, не бойтесь, вамъ не будетъ худо. Вы—честные и храбрые люди, вы служили своему отечеству и своей государынѣ. Если-бы у насть были подобные вамъ, то и васъ-бы у насть не было»¹⁾. Съ этого времени положеніе плѣнниковъ сдѣлалось много лучше. Этимъ они были обязаны, главнымъ образомъ, Костюшкѣ, который писалъ и требовалъ, чтобы съ плѣнными обходились хорошо. Онъ далъ большой нагоняй варшавянамъ, за то злодѣйство, которое они учинили въ день Пасхи. Президентъ города Закжевскій предписаніемъ своимъ отъ 26 (8 мая) апрѣля назначилъ особую депутацію, которой поручался надзоръ и забота за русскими плѣнными. Имъ положено было опредѣленное содержаніе: Г. Милюшевичу, какъ раненному и требовавшему удобствъ, были назначены два человѣка для услугъ, и отпускалось въ день по 18 золотыхъ (на наши деньги 2 р. 70 к., для того времени сумма значительная). Прочимъ здоровымъ генераламъ и бригадирамъ по 9 золотыхъ, полковникамъ, подполковникамъ и маюрамъ—6; ротмистрамъ и капитанамъ—3; поручикамъ, подпоручикамъ и хорунжимъ—2. Унтер-офицерамъ 15 грошей, больнымъ рядовымъ 12 и здоровымъ по 10 грошей въ день²⁾. Положеніе плѣнныхъ улучшилось вообще, съ ними стали обходиться вѣжливо, а главное, назначили для нихъ священника, Савву Пальмовскаго, и разрѣшили ему отправлять для нихъ даже православное Богослуженіе³⁾.

Возстаніе возгорѣлось во всей Польшѣ и Литвѣ. Революція вспыхнула, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, Люблинѣ, въ Гроднѣ, Хелмѣ и въ другихъ городахъ, и война возгорѣлась снова.

¹⁾ Н. Костомаровъ. Пос. г. Рѣчи Пос. т. II, ст. 529.

²⁾ Korresp. 825.

³⁾ Н. Костомаровъ. Пос. годы Рѣчи Пос. II, 529.

Глава X.

Смѣна начальства.—Мелкія стычки.—Соединеніе русскихъ войскъ съ прусскими.—Безуспѣшная осада Варшавы.—Отступленіе.—Переправа чрезъ Вислу.—Сыны Костюшкі.—Расположеніе поляковъ.—Наступленіе русскихъ.—Сраженіе при Машевицахъ.—Побѣда.—Потери.—Значеніе Машевицкой битвы.—Плѣнъ Костюшкі.—Біографія Лысенки.—Отличія его.—Обстоятельства, сопровождавшія плѣненіе Костюшкі.—Награды.—Неудачи Лысенки.—Попытка Атамана Денисова.—Дальнишняя судьба Лысенки.

Императрица Екатерина была недовольна дѣйствіями Игельстрома. Благодаря его беспечности, допустившей разразиться революціи, слѣдствіемъ которой была потеря Варшавы, положеніе русскихъ войскъ въ Польшѣ дѣлалось непрочнымъ, утратилось вліяніе нашего правительства и событія затянулись на долго. На его мѣсто (20 апр.) былъ назначенъ Г.-Ан. Ін. Репнинъ, командовавшій предъ тѣмъ корпусомъ войскъ, расположеннымъ отъ г. Минска до г. Риги. По независимымъ отъ него обстоятельствамъ, Репнинъ очень долго не прѣѣжалъ въ Польшу, руководя дѣйствіями арміи изъ Риги. Вмѣсто Апраксина назначенъ былъ также Г.-П. баронъ Ферзенъ. И этотъ генералъ не скоро могъ явиться къ мѣсту своего назначенія. Всѣ войска послѣ выхода ихъ изъ Варшавы остались, собственно, безъ начальника, такъ какъ Игельстромъ былъ удаленъ до прибытія Ферзена. Это, конечно, очень неблагопріятно отразилось на ходѣ военныхъ дѣйствій. Старшимъ среди бывшихъ тогда генераловъ являлся Денисовъ, котораго сама Императрица считала, хотя и храбрымъ, но неспособнымъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ. Благодаря всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ, время тянулось въ бездѣйствіи. Хотя 24 мая надъ Костюш-

кою была одержана победа у Щекоцина, но победа не полная, кончившаяся отступлением поляковъ въ порядкѣ къ Опатову. Полкъ Харьковскій не участвовалъ въ этой битвѣ. Небольшія его команды схватывались иногда съ партіями польскихъ партизановъ, съ которыми приходилось встречаться, производя фуражировки. Такъ, 2-го мая при м. Новомъ Мѣстѣ въ стычкѣ было убито и ранено 4 лошади, а 1 июня, въ дѣль при м. Песочномъ, убито 2 лошади. Во время фуражировки 15 июня около м. Варкѣ (на р. Пилицѣ, впадающей въ Вислу), куда направлена была небольшая команда подъ начальствомъ Поручика Кіевскаго гренадерскаго полка Заболотьева, было убито 6 нижнихъ чиновъ Харьковскаго полка¹⁾.

Между тѣмъ, пруссаки открыли также военные дѣйствія противъ поляковъ. Прибывшій къ мѣсту своего назначенія баронъ Ферзенъ соединился съ войсками, бывшими подъ личнымъ начальствомъ короля Фридриха Вильгельма. Союзники пошли къ Варшавѣ и осадили ее. Въ числѣ войскъ корпуса барона Ферзена находился и Харьковскій полкъ, состоя въ бригадѣ Г.-М. Рахманова.

На штурмъ польской столицы союзники идти не рѣшились, такъ какъ она была къ тому времени сильно укреплена Косцюшкою. Къ тому-же, выше и ниже Варшавы по теченію Вислы находились два сильные отряда польскихъ войскъ—одинъ самого диктатора, другой Генерала Мокрновскаго; отряды эти съ успѣхомъ могли бы дѣйствовать въ тылъ осаждающимъ. Между союзниками пошли недоразумѣнія и несогласія: пруссаки, бывшіе въ болѣе превосходныхъ силахъ (показываютъ ихъ въ 40 т.), хотѣли взвалить на русскихъ всю тягость штурма. Вспыхнувшее волненіе въ недавно присоединенномъ къ Пруссіи (по второму раздѣлу) Познанскому воеводствѣ заставило короля снять около 1-го сентября осаду и послѣдить туда для подавленія без-

¹⁾ Мѣс. рап. пол. Мос. арх.

порядковъ. Русскимъ ничего не оставалось больше, какъ послѣдовать ихъ примѣру, и баронъ Ферзенъ, отступивъ отъ Варшавы, двинулся вверхъ по лѣвому берегу Вислы съ цѣлью переправиться гдѣ либо въ удобномъ мѣстѣ и идти на соединеніе съ войсками Суворова, который въ то время, громя по дорогѣ поляковъ, несся форсированнымъ маршемъ изъ Немирова въ Брестъ. Харьковскій полкъ былъ, видимо, высланъ ранѣе ухода Ферзена изъ-подъ Варшавы, ибо 1-го сентября онъ уже находится въ м. Магнушовѣ, въ 170 верстахъ отъ столицы, вверхъ по теченію Вислы.

Полякамъ по этому было важно не допустить Ферзена переправиться на правый берегъ Вислы, почему Косцюшко поручилъ Г. Понинскому, у которого было около 4—5 т. человѣкъ¹⁾, наблюденіе за русскими. Такимъ образомъ, Ферзену, предъ которымъ лежала широкая и полноводная рѣка, оберегаемая къ тому-же сильнымъ отрядомъ, предстояло решить далеко не легкую задачу. Дѣло еще усложнялось тѣмъ, что на мѣстѣ не было никакихъ средствъ для постройки моста, и даже суда пришлось ему послѣ доставлять на подводахъ. И Ферзенъ долго решалъ эту задачу, распуская, съ цѣлью обмануть Понинскаго, ложные слухи о мѣстѣ переправы.

Войско поляковъ и русскихъ, отдѣленное только широкой рѣкою, долго стояло другъ противъ друга; одно, желая обмануть, другое не даться въ обманъ, не прозѣвать. Сдѣлавъ демонстрацію переправы у Пулавъ (Новая Александрія), Ферзенъ окончательно выбралъ мѣсто у д. Голенды и направилъ туда весь корпусъ. Понинскій послѣдилъ къ Пулавамъ, хотя приготовленія у д. Голенды не ускользнуло вполнѣ отъ его вниманія: онъ даже увѣдомилъ о томъ Косцюшку. Переправивъ предварительно авангардъ, Ферзенъ подъ его прикрытиемъ приступилъ къ постройкѣ понтоннаго моста. 26 сентября началась переправа и окончилась 28-го²⁾.

¹⁾ Петрушевский. Генералиссимусъ Суворовъ изъ 1884 г., т. II, оп. №1.

²⁾ Мос. арх. оп. 196, св. 8.

По переходѣ на правый берегъ, русскіе расположились у рѣки, между дд. Врублевъ и Варгочинъ.

Узнавъ объ ошибкѣ Понинскаго, Косцюшко, присоединивъ къ себѣ отряды Княжевича, Сѣраковскаго (остатки), Заіончика и др., рѣшился преградить Ферзену путь къ соединенію съ Суворовымъ и разбить его корпусъ, такъ какъ силы ихъ были почти равны. Взятый въ пленъ (29 сент.) Станиславъ Дубовицкій (аудиторъ Бѣлякова полка) показалъ: когда вѣсть о разгромѣ польскихъ войскъ Суворовыми подъ Брестомъ (съ 7 на 8 сент.) достигла до Варшавы, тамъ потребовали отъ Косцюшки рѣшительныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Ему будто бы даже заявили, чтобы онъ, если не одержить побѣды, не возвращался въ Варшаву, гдѣ, подъ вліяніемъ послѣднихъ неудачъ, было предъ тѣмъ возстаніе черни, такъ что показаніе Дубовицкаго и является правдоподобнымъ. Повинуясь будто этому требованію, Косцюшко вышелъ изъ Варшавы и прибылъ въ Сѣдлецъ за 2 недѣли до Маціевицкой битвы, (по другимъ источникамъ онъ вышелъ оттуда 24 сент.) и, простоявъ тамъ 2 дня, пошелъ на Луковъ, послѣ на Желеховъ. Съ нимъ было 500 человѣкъ кавалеріи и тысяча пѣхоты, а съ присоединившимся 24 сентября образовалось 4 тысячи кавалеріи, хорошо вооруженной и на порточныхъ лошадяхъ, 6500 пѣхоты, всего 10.500 человѣкъ и 22 орудія¹⁾.

Простоявъ у Желехова 2 дня, Косцюшко ушелъ оттуда и расположился на лѣвомъ берегу маленькой р. Корытницы, въ 15 верстахъ отъ русскихъ, только что окончившихъ въ тотъ день переправу. Но Косцюшко въ тотъ-же день ушелъ и расположился новымъ станомъ при замкѣ Маціевицкомъ, въ 5 верстахъ отъ м. Маціевицы (Macieowice), недалеко отъ впаденія въ нее р. Окршенки. Замокъ этотъ принадлежалъ Замойскимъ. Наши казаки предъ тѣмъ успѣли уже побывать въ немъ и оставить слѣды своего пребыванія. Пра-

вый флангъ поляковъ былъ прикрытъ лѣсомъ, фронтъ—болотомъ, поросшимъ мелкимъ кустарникомъ, лѣвый-же флангъ оставался открытымъ¹⁾). Позиція, занятая поляками, представляла изъ себя сухое и возвышенное мѣсто, вполнѣ удобное для обороны; только тылъ ея, примыкавшій къ болотистой рѣкѣ, долженъ былъ внушать имъ опасеніе. Русскимъ нужно было или идти въ обходъ, или пробираться болотомъ, прорѣзаннымъ къ тому-же канавами; но оно, хотя и трудно, но все-же было проходимо.

Баронъ Ферзенъ рѣшился «опровергнуть» намѣреніе Косцюшки и, предупредивъ поляковъ, напасть на нихъ. Онъ отдалъ слѣдующую диспозицію: выступленіе корпуса (13—14 тысячъ при 43-хъ орудіяхъ) было назначено въ ночь съ 28 на 29 сентября. Войска праваго фланга 1-ой линіи должны были составить правую колонну и выступить правымъ крыломъ, войска лѣваго фланга—лѣвую колонну и—правымъ крыломъ. Объ эти колонны, пріѣдя до разсвѣта въ назначенное мѣсто, должны были построить фронтъ, правый флангъ котораго примыкалъ бы къ д. Ковеничи, а лѣвый къ Висль—это должно было составить 1-ю линію нашего боевого порядка. Правымъ флангомъ ея назначался командовать Г.-М. Хрущевъ, лѣвымъ—Г.-М. Тормазовъ. Полки 2-й линіи должны были построиться за 1-й, лѣвымъ флангомъ къ Висль; командовать ею поручалось Г.-М. Рахманову. Остальные полки, составивъ резервъ (Г.-М. гр. Толстой) должны были расположиться за 2-й линіею; въ прикрытие мостовъ и вагенбурга оставлялись 2 эскадрона Воронежскихъ гусаръ. Кромѣ того, Г.-М. Денисовъ, стоя съ 28 сентября около д. Павловичи, прикрывалъ своимъ отрядомъ расположение русскихъ со стороны Пулавъ, гдѣ находился тогда введенный въ заблужденіе Понинскій. Онъ ко дню сраженія поѣхалъ къ Косцюшку, что видно изъ показанія Дубовицкаго¹⁾), это-же говорить и Шлоссеръ. Денисовъ на-

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

¹⁾ Планъ сраженія. Мос. арх. оп. 200, св. 52.

значался въ обходъ лѣваго фланга поляковъ. Съ разсвѣтомъ онъ долженъ былъ начать канонаду, что послужило бы сигналомъ для всего корпуса, дальнѣйшія дѣйствія котораго ставились въ зависимость отъ приказаній и обстоятельствъ¹⁾.

Харьковскій легкоконный полкъ, въ рядахъ котораго служилъ будущій пѣнитель Косцюшки, подъ командою Бригадира Энгельгардта, при выступленіи изъ лагеря шелъ въ хвостѣ правой колонны, но, при построеніи боевого порядка, поступилъ во 2-ю линію Рахманова (6 баталіоновъ, Харьковскій легкоконный и 3 эскадр. Ахтырскаго полковъ) и былъ поставленъ на правомъ ея флангѣ, на дорогѣ въ д. Ухочъ. Согласно отданной диспозиціи, еще предъ разсвѣтомъ, всѣ части корпуса заняли назначенные имъ мѣста и построили боевой порядокъ. Съ разсвѣтомъ-же быстро пошли къ стану поляковъ и, подойдя на пушечный выстрелъ, открыли канонаду.

Г. Ферзенъ приказалъ резерву овладѣть м. Маціевицами, идти вдоль рѣки и очистить лѣсъ, занятый непріятельскими стрѣлками. Это было быстро и въ точности исполнено. Въ это время въ отрядѣ Денисова послышалась стрѣльба, показавшая Ферзену, что онъ вступилъ уже въ дѣло. Диспозиція, повидимому, была нѣсколько измѣнена. Конница Косцюшки первая напала на Денисова и вначалѣ одержала было нѣкоторый успѣхъ, но скоро была, впрочемъ, отброшена назадъ. Завязавшееся здѣсь упорное дѣло привлекло все вниманіе Косцюшки на лѣвый флангъ, что и дало намъ возможность такъ удачно окружить правый. Польская конница, съ которой былъ и Косцюшко, отброшенная на сѣверо-западъ, должна была попасть подъ удары войскъ Рахманова. Слыша, что Денисовъ открылъ уже дѣйствія, Ферзенъ приказалъ Тормазову, приблизивъ лѣвый флангъ къ замку, открыть огонь. Впереди лежащіе по рѣкѣ мости были испорчены и разбросаны; исправить ихъ было необходимо для обхода непріятеля, что облегчило бы атаку

Тормазова. Поэтому Рахманову было приказано идти со 2-ю линіею въ обходъ чрезъ плотину и остановиться противъ праваго фланга непріятеля, а резерву гр. Толстого, исполнивъ первую задачу, зайти въ тылъ непріятелю. Для исправленія-же мостовъ, или отысканія удобной переправы для 2-й линіи, былъ посланъ Тормазовымъ находившимся при немъ Примьеръ-Майоръ Харьковскаго полка Каменевъ. Возложенное на него трудное порученіе Каменевъ исполнилъ блестательно: онъ не только нашелъ удобопроходимую дорогу, но ему удалось даже исправить изломанные мости¹⁾.

Бой шелъ на всѣхъ пунктахъ; русскіе осипали поляковъ ядрами и гранатами. Канонада продолжалась долго—часа три. Подойдя-же ближе, открыли убийственный ружейный огонь. Между тѣмъ, 2-я линія, подвигаясь впередъ, подошла къ началу аллеи, ведшей къ замку, и, быстро перейдя рѣку по возстановленнымъ мостамъ, пошла вдоль по ней. Приблизившись къ плотинѣ, она развернулась и начала канонаду. Обстрѣливъ нѣкоторое время непріятеля и перейдя плотину, не смотря на усиленное сопротивленіе и огонь, Рахмановъ бросился на непріятеля съ сѣверо-западной стороны, атакуя его во флангъ. Поляки были окружены со всѣхъ сторонъ, и русскіе бросились на нихъ въ штыки. Кавалерія, тѣсня нестройныя толпы смѣшавшагося непріятеля, производила страшныя опустошенія. Къ此刻иашенію всего, гр. Толстой зашелъ полякамъ прямо въ тылъ. Спасенія для нихъ уже не было.

Всѣ части русскихъ войскъ дѣйствовали въ тѣмъ сраженіи, по заявлению Ферзена, съ такимъ единодушіемъ и стремительностью, что, не смотря на достойнуюуваженія храбрость поляковъ, на присутствіе среди ихъ «непобѣдимаго» Косцюшки, они устоять не могли и, смѣшавшись окончательно, начали отступать, а послѣ и просто бѣжать. Единственный, отчасти еще возможный, путь отступленія

¹⁾ Моск. арх. оп. 200, св. 52.

былъ на съверъ, гдѣ меньше было русскихъ, но гдѣ нужно было переправляться чрезъ рѣку, болотистые берега которой очень затрудняли и задерживали движение. Но другого выбора не было, и поляки бросались переходить рѣку вбродъ; мостъ и мельница были зажжены нашими брандкугелями¹).

Кавалерія, послѣ отступленія поляковъ, стремительно бросилась ихъ преслѣдоватъ, и мало кому изъ нихъ удалось уйти. По окончаніи всего дѣла, русскіе расположились станиномъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ поляки до боя занимали позицію. На другой день былъ отслуженъ благодарственный молебенъ въ присутствіи всѣхъ войскъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ.

Въ сраженіи при Мациевицахъ у непріятеля было захвачено 21 орудіе, 2 знамени; взято въ пленъ болѣе 2 тысячъ нижнихъ чиновъ, 71 товарищъ, 28 намѣстниковъ, 112 офицеровъ и генералы Сѣраковскій, Княжевичъ и Коссинскій²). Остальная польская войска почти всѣ, за очень малымъ исключеніемъ, коимъ удалось избѣжать плены и смерти на полѣ сраженія, погибли во время преслѣдованія. Въ донесеніи своемъ Ферзенъ говоритъ, что непріятель, «не имѣя уже спасенія въ бѣгствѣ, почти весь погибъ». Наши потери сводились: убитыми офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 144; ранеными офицеровъ 26 и нижнихъ чиновъ 1127. Харьковскій полкъ потерялъ убитыми: вахмистра Якова Дмитриева, 4-хъ рядовыхъ и 16 лошадей; было ранено: Ротмистръ Альперсь, 25 нижнихъ чиновъ и 36 лошадей. Изъ числа раненыхъ умерли три человѣка (вахмистра Петряевъ и Мѣхуновъ) и пало 21 лошадь³).

Потери поляковъ, такимъ образомъ, въ этомъ сраженіи были громадны—они лишились почти всего корпуса. Въ странѣ остались небольшая партія войскъ до отряда Понинскаго и Вавжецкаго. На всемъ пространствѣ между Ферзен-

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Мѣс. рап. пол.

номъ и Суворовымъ бродили партіи партизановъ, кои препятствовали сообщенію, перехватывая донесенія. Ни Суворовъ, ни Ферзенъ ничего давно уже не знали другъ о другѣ. Маціевицкій разгромъ долженъ былъ охладить временный подъемъ духа поляковъ, появившійся у нихъ подъ вліяніемъ незначительныхъ успѣховъ, выпавшихъ на долю ихъ оружія. Соединившись, русскія войска могли уже действовать энергично, имѣя своимъ предводителемъ непобѣдимаго въ дѣйствительности Суворова. Близость полнаго паденія Польши и политической самостоятельности поляковъ дѣлалась уже очевидна. Народъ этотъ, такъ быстро и легко воспламеняется, до крайности энергичный, безспорно храбрый и стойкий въ бояхъ, увлекающійся и опьяняемый малѣйшимъ успѣхомъ, не могъ никогда доводить задуманного къ какому либо окончанію. Онъ быстро охладѣвалъ къ тому самому отечеству, которое такъ, повидимому любилъ и былъ готовъ подчасъ защищать до послѣдней капли крови, идя зачастую до очевидности на безразсудное и рискованное предпріятіе. Самымъ отрицательнымъ качествомъ, при многихъ хорошихъ, у поляковъ была лежащая просто въ крови уже наклонность заводить безконечные ссоры между собою изъ-за самыхъ иногда пустыхъ до смѣшного причинъ. Охотно жертвуя рго publico bono всѣмъ, поляки никогда не жертвовали только своею гордостью. Желаніе выдѣлиться изъ толпы и стать выше ея было болѣзнию каждого изъ нихъ, почему между ними и было много охотниковъ начальствовать, но не было желавшихъ подчиняться. Всякій, выдѣлявшійся изъ среды чѣмъ-бы то ни было, дѣлался, обыкновенно, предметомъ зависти и интригъ. Поэтому, въ исторіи Польши мало найдется такихъ людей, кои умѣли вести за собою толпу и руководить ею. Нѣсколько счастливымъ исключениемъ является послѣдній выдающійся ихъ политический дѣятель—Тадеушъ Косciюшко. Онъ умѣлъ очаровать поляковъ, внушить любовь и уваженіе къ себѣ. Хотя Косciюшко и былъ

человѣкомъ вполнѣ достойнымъ, храбрымъ, горячимъ патріотомъ, безкорыстнымъ патріотомъ, но вліяніе его на своихъ соотечественниковъ все-же иѣсколько удивительно. Поляки охотно бывало преклонялись предъ богатыми магнатами ради того, что они сыпали золотомъ, а Косцюшко былъ только сыномъ бѣднаго шляхтича. Косцюшко, къ тому же, возлагалъ большія надежды на простой народъ, стремился вывести его изъ того униженіаго состоянія, въ которомъ онъ былъ въ Польшѣ, въ этой странѣ свободы, не имѣвшей разумнаго предѣла, близко граничащей съ безправiemъ и полною распущенностью. Косцюшко первый вспомнилъ (кромѣ Казимира Великаго — «Króla chłopków»), что въ государствѣ, кромѣ благородной шляхты, есть еще и народъ, который могъ-бы принести пользу своему отечеству. Эти его стремленія только и не нравились шляхтѣ и вызывали ея оппозицію. На самомъ дѣлѣ, эти благородныя затѣи Косцюшки оказались уже несвоевременными и трудно осуществимыми, хотя увлеченные планами диктатора многіе изъ поляковъ и заигрывали съ народомъ, даже просто кокетничали съ нимъ по склонности своего характера увлекаться. Но народъ имъ повѣрить сразу не могъ и не охотно шелъ за тою шляхтой, отъ которой въ продолженіи многихъ вѣковъ только слышалъ одно, что онъ не народъ, а «быдло» (скотъ). Хотя Косцюшкѣ и не удалось вполнѣ осуществить свои планы, но все-же онъ сумѣлъ увлечь поляковъ и подбить ихъ на энергичныя дѣйствія,—нація его боготворила, называла «непобѣдимымъ», «генералиссимусомъ», дала ему диктаторскую власть, охотно шла за нимъ. И Косцюшко былъ безспорно выдающимся человѣкомъ, ни равнаго, ни подобнаго ему въ то время не было въ Польшѣ. Для народа легче бываетъ оправиться, потерпѣвъ страшное пораженіе въ бою, чѣмъ лишиться иногда одного энергичнаго человѣка, способнаго поднять нравственный духъ и национальное самосознаніе въ своихъ соотечественникахъ. Таковъ былъ тогда Косцюшко,

и поляки потеряли его безвозвратно. Серьезны были ихъ потери въ Маціевицкомъ сраженіи, но это бы ихъ такъ еще не поразило, какъ то, что ихъ непобѣдимый диктаторъ, ихъ кумиръ для нихъ уже пересталъ существовать и сдѣлался пѣнникомъ русскихъ, предоставивъ ихъ самимъ себѣ на жертву мелкихъ интригъ и споровъ изъ-за старшинства генераловъ, между которыми не было ни одного, достойнаго его замѣнить. Все это, естественно, не могло имѣть благотворнаго вліянія на ходъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Поэтому, битва при Маціевицахъ получаетъ существенное значеніе въ исторіи Рѣчи Посполитой и есть послѣдній актъ ея самостоятельной политической жизни. Послѣ этого для поляковъ все было потеряно, все кончено и это уже было ясно, вѣроятно, для нихъ самихъ, а рѣкою пролитая польская кровь при штурмѣ Праги была лишь слѣдствіемъ излишняго ихъ упорства.

Честь пѣненія Косцюшки выпала на долю Корнета Харьковскаго полка Лысенки, который, такимъ образомъ, своею рукою ускорилъ конецъ существованія польскаго государства.

Федоръ Ильичъ Лысенко родился 12 февраля 1751 г.¹⁾ и былъ сыномъ отставнаго унтеръ-офицера гвардіи, малоросса, жившаго въ теперешнемъ Тимскомъ уѣздѣ Курской губ. Съ самаго ранняго возраста Лысенко сталъ обнаруживать большую склонность къ военной службѣ, но престарѣлые его родители были противъ того, видя въ сына своею единственную опору семью. Рѣшительные отказы отца не охладили желаній молодого Лысенки. Онъ однажды тайно бѣжалъ въ г. Корогу, гдѣ производился въ то время рекрутскій наборъ, и записался въ солдаты. Замѣтивъ отсутствія сына, отецъ, зная о наборѣ, отправился прямо туда

¹⁾ Въ одномъ формѣ, спискѣ и на надгробной плитѣ годъ его рожденія показанъ этотъ, въ указанѣ же объ отставкѣ 1753-й.

и нашелъ своего Федора уже во власти полковника. На колѣниахъ выпросилъ отецъ позволеніе взять обратно сына подъ кровъ своей убогой хаты, тѣсной уже для Лысенки. Но неотвязчивая мысль и страстное желаніе сдѣлаться солдатомъ преслѣдовали Лысенку постоянно. Онъ снова рѣшился бѣжать, но куда либо далеко, откуда бы родители не могли его вернуть. Бѣжитъ онъ зимою въ Крымъ, гдѣ въ то время находились наши войска для усмиренія поднявшихся татаръ. Лысенко присталъ тамъ къ Харьковскому полку и просилъ принять его въ ряды. Полковникъ Бедряга принялъ нового солдата съ большою охотою, такъ какъ въ полку недоставало многихъ людей до комплекта, а Лысенко былъ молодецъ гигантскаго роста, красавецъ собою, прекрасно сложенъ; такой гусаръ являлся находкою. Зачисленъ онъ былъ въ полкъ 1 января 1778 года, будучи 25 лѣтъ отъ роду. Новый гусаръ своимъ веселымъ и добродушнымъ нравомъ скоро заслужилъ любовь товарищѣй, а рвениемъ къ службѣ обратилъ на себя вниманіе начальства. Хвали однажды Лысенку за усердіе, эскадронный командиръ высказалъ сожалѣніе, что онъ не знаетъ грамоты, прибавивъ, что изъ него могъ бы выйти хороший вахмистръ. Слова эти глубоко запали въ сердце Лысенки; перспектива сдѣлаться вахмистромъ для рядового гусара, при томъ еще такого любителя службы, была такъ заманчива, что онъ тотчасъ же садится за букварь. Чрезъ нѣкоторое время тотъ же командръ, къ своему удивленію, услышалъ, что его гусаръ бѣгло читаетъ въ полковой церкви Св. Писаніе. Труды Лысенки не прошли даромъ—его въ тотъ же день поздравили капитаномъ (1 мая 1780 г.), а чрезъ два года онъ былъ сдѣланъ ротнымъ квартирмейстеромъ.

Жизнь полка того времени текла въ безпрестанныхъ походахъ и сраженіяхъ. Ходилъ Лысенко въ Крымъ, былъ до самаго конца подъ Очаковомъ; во вторую турецкую войну—при занятіи г.г. Бѣлграда и Бендерь, при взятіи Килии и

въ кровопролитномъ сраженіи при Мачинѣ. За отличіе въ дѣлахъ онъ былъ произведенъ въ вахмистры (1791 г.), и мечты рядового гусара осуществились. Но на этомъ отличія и повышенія Лысенки не остановились. Въ первый день печальной памяти Варшавской революціи, подъ Лысенко убито было 2 лошади. Отбившись отъ полка, пѣшій, не имѣя возможности добыть себѣ коня, Лысенко присоединился къ небольшому отряду пѣхоты Маюра Батурина. Отбиваясь отъ поляковъ, отрядъ этотъ заперся въ одномъ дворѣ, тѣсномъ и неудобномъ для защиты. Желая осмотрѣтьсосѣдній съ цѣлью туда пробраться, Лысенко взлѣзъ на заборъ, но былъ встрѣченъ градомъ пуль и, спасаясь отъ нихъ, свалился на другую его сторону. Упалъ онъ благополучно въ сѣно, гдѣ и поспѣшилъ незамѣченный врагами спрятаться. Сидя тамъ, онъ придумалъ такую хитрость, чтобы заставить поляковъ очистить занятый ими дворъ: онъ стрѣляетъ изъ пистолета въ сѣно и зажигаетъ его. Дымъ и пламя выгоняютъ поляковъ изъ двора, а Лысенко спѣшилъ обратно къ товарищамъ; они разламываютъ заборъ и, давъ сгорѣть сѣну, занимаютъ дворъ.

Хотя эта горсть храбрецовъ и могла нѣкоторое время отстрѣливаться и отбиваться, но рано или поздно, именемъ все-таки грозила смерть, когда они выпустили-бы послѣдній зарядъ. Къ тому-же прошло уже болѣе сутокъ, какъ никто изъ нихъ не пилъ и не елъ. Колебаться въ выборѣ не приходилось—не все-ли было равно умирать, сидя въ заперти, или пробиваясь за городъ! Въ послѣднемъ случаѣ оставалось хотя слабая надежда спастись. О сдачѣ же въ пленъ, а тѣмъ болѣе просить пощады они не думали—это не въ обычай русскихъ. И храбрая горсть бросается со двора, стремительно бѣжитъ по улицамъ, отбиваясь отъ нападавшихъ на нихъ варшавянъ, обратившихся изъ мирныхъ ремесленниковъ и торговцевъ въ свирѣпыхъ убийцъ. Многие изъ несчастныхъ русскихъ падаютъ отъ летящихъ въ нихъ

пуль, падает начальникъ этой кучки героевъ, падаетъ и Лысенко, покрытый ранами съ прорѣленою насквозь правою ногою. Товарищи его бѣгутъ далѣе, спасая свою жизнь, а онъ остается лежать среди убитыхъ и раненыхъ поляковъ и русскихъ. Уцѣлѣвшая горсть пробилась за городъ и присоединилась къ отряду пруссаковъ. Оставшійся на улицѣ Лысенко ночью пришелъ въ чувство и, нацрягая свои послѣднія силы, выбрался почти ползкомъ изъ вѣроломнаго города, по счастью, не встрѣченный утомленными двухдневною борьбою поляками. Добравшись кое-какъ до своихъ, вахмистръ Лысенко попалъ въ лазаретъ. Залечивъ свои раны и восстановивъ силы, Лысенко снова сталъ въ ряды полка, но уже не вахмистромъ—за мужество, оказанное имъ во время революціи, Лысенко былъ награжденъ корнетскимъ чиномъ¹⁾). Послѣ этого онъ еще съ большимъ рвениемъ продолжалъ служить, былъ съ полкомъ во многихъ незначительныхъ дѣлахъ, участвовалъ въ безуспѣшной осадѣ Варшавы, гдѣ наши войска томились бездѣйствиемъ и гдѣ кавалерія не принимала никакого участія.

Обширное поле дѣятельности представилось ей подъ Машевицами. Русские и поляки стояли лицомъ къ лицу, сраженіе сдѣлалось неизбѣжнымъ. Русские помнили крѣпко 6 апрѣля и горѣли нетерпѣніемъ сразиться. Главною приманкою для всѣхъ было поймать Генералиссимуса Косцюшку. Ни одинъ изъ русскихъ воиновъ мечталъ тогда завладѣть этимъ завиднымъ трофеемъ. Всѣхъ поощряло известное будто бы въ арміи обѣщаніе Императрицы Екатерины большой награды тому, кому удастся-бы пѣнить или убить Косцюшку²⁾). Въ числѣ мечтателей былъ и Лысенко. Онъ задумалъ попытать счастье и постараться не упустить изъ своихъ рукъ польского предводителя, если къ тому представится благопріятный случай.

¹⁾ Мос. арх. форм. спис., кн. № 244.

²⁾ Ист. Вѣст. 1893 г., кн. 11, ст. 484.

Наканунѣ сраженія Лысенко явился къ Бригадиру Энгельгардту, открылъ свое намѣреніе и просилъ разрѣшить ему въ предстоящемъ бою отлучаться отъ полка для исполненія задуманнаго¹⁾). Позвolenіе это онъ получилъ. На другой день Лысенко находился при полку и принималъ участіе въ атакѣ на правый флангъ непріятеля, «гдѣ отлично, храбро поступалъ и пѣсколько непріятелей своеручно срубилъ»; подъ нимъ была убита лошадь²⁾.

Намѣреніе Лысенко пѣнить главнаго начальника непріятельскихъ войскъ по отношенію къ Косцюшку могло осуществиться. Этотъ генералъ, по своему врожденному мужеству и храбости, не оставался только смокайнымъ зрителемъ и руководителемъ сраженія, но, обыкновенно, принималъ въ немъ активное участіе, мастерски работая саблею впереди своихъ воиновъ, увлекая ихъ за собою; и подъ его начальствомъ поляки дрались, какъ львы. За эту особенность непріятельского вождя, пользуясь большой популярностью и уваженіемъ даже среди русскихъ, Лысенко на этомъ, вѣроятно, и основывалъ свой расчетъ.

Послѣ того какъ поляки были уже окончательно разбиты, когда отступленіе перешло уже въ беспорядочное бѣгство и русская кавалерія пустилась ихъ преслѣдоватъ, Лысенко, поймавъ одну изъ бродившихъ по полу лошадей, и, пользуясь разрѣшеніемъ своего командира, отдѣлился отъ полка, чтобы привести въ исполненіе задуманное имъ дѣло. Онъ началъ объѣзжать поле сраженія. На немъ лишь оставались распростертая тѣла убитыхъ да беспомощно стояніе раненые; многіе изъ нихъ силились подняться, ползали, орошая свои слѣды кровью, многіе, безсвязно говоря молитвы, отходили въ вѣчность. Изъ живыхъ и здоровыхъ людей въ разныхъ мѣстахъ бродили лишь казаки и занимались грабежомъ. Подѣхавъ къ одному раненому поляку,

¹⁾ Указъ обѣ отставкѣ, подписанъ гр. Беннигсеномъ 25 сент. 1816 г.

²⁾ Мос. арх. кн. № 244.

Лысенко спросилъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ могъ быть въ то время Косцюшко.—«Онъ долженъ быть недалеко», отвѣчалъ съ гордостью тотъ, «онъ у насъ поле сраженія оставляетъ послѣднимъ—теперь, вѣроятно, скрывается въ ближайшей рощѣ»¹⁾. Получивъ такой отвѣтъ, Лысенко подговорилъ шесть человѣкъѣхать на поиски и направился въ сторону, куда бѣжали поляки (къ д. Соболево). Въ полуумилъ отъ замка²⁾ онъ замѣтилъ, что по рощѣ пробирается кучка всадниковъ, числомъ въ 10 человѣкъ, въ богатыхъ мундирахъ и на отличныхъ лошадяхъ. Послѣднее обстоятельство заставило предполагать, что это и есть польскій герой со своимъ штабомъ. Лысенко рѣшилъ ударить на нихъ, несмотря на превосходство силъ съ противоположной стороны. Два казака не послушались приказанія офицера, видя перевѣсъ на сторонѣ непріятеля, и повернули назадъ. Съ Лысенко остались только 2 казака конвоя Ферзена, Топилинъ и Лосевъ³⁾, да 2 гусара⁴⁾. Считая самаго Лысенку, силы его были вдвое слабѣе—5 противъ 10, но, впрочемъ, одинъ Федоръ Ильичъ стоилъ нѣсколькихъ, благодаря своей силѣ и ловкости. Эта кучка храбрецовъ стремительно бросилась на поляковъ; они начали было уходить, но послѣ оборотились и дали залпъ изъ пистолетовъ, не причинившій никакого вреда. Лысенко собственноручно положилъ на мѣстѣ 4 противниковъ, но и самъ былъ раненъ. Всадникъ, нанесшій ему рану, былъ разрубленъ имъ «на двоє»⁵⁾. И такъ, одинъ Лысенко сразу уровнялъ силы сражавшихся. Удѣльвшіе 5 поляковъ, устрашенные такимъ богатыремъ, повернули коней и пустились уходить. Лысенко поскакалъ за одѣтымъ въ скромный мундиръ и, догнавъ, на всемъ скаку, ударилъ его саблею «по затылку и по спинѣ», послѣ чего тотъ и

¹⁾ Ист. Вѣст. 1893 г., № 11, ст. 784 (отрывки изъ рукоп. Гуслистаго).

²⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

³⁾ Ibidem № 1221.

⁴⁾ Воен. Журн. 1811 г. ХII, ст. 65.

⁵⁾ Ibidem.

повалился съ лошади. Покончивъ съ этимъ, по счету шестымъ, Лысенко полетѣлъ далѣе за всадникомъ въ богатомъ мундирѣ, принимая его за предметъ своихъ исканій, и за-гналъ его въ болото. Подскакавъ къ нему, спросилъ: «Ты—Косцюшко?» —«Нѣть, я его адъютантъ, а ты Косцюшку вонь тамъ повалилъ». Обезоруживъ адъютанта, Лысенко послѣшилъ къ распостертому на землѣ герою. Получивъ хотя и несмѣртные, но полновѣсные удары, отъ которыхъ онъ потерялъ сознаніе, Косцюшко не успѣлъ, конечно, сказать той цвѣтистой фразы—«Finis Poloniae», каковую приписываютъ ему нѣкоторые писатели. Подѣхавъ къ раненому, Лысенко нашелъ тамъ Топилина и Лосева, принявшихся его уже обирать¹⁾.

Н. Костомаровъ говорить, что казаки сняли съ пальца раненаго два перстня и начали уже снимать третій съ изображеніемъ девиза восстанія—краковской шапки; при чемъ раненый скжаль палецъ. Видѣвшій это офицеръ (Лысенко), присмотрѣвшись, закричалъ: «Это Косцюшко!—«Я—Косцюшко;—воды!» проговорилъ тотъ. Позволяемъ себѣ отнести съ большимъ довѣріемъ къ первому разсказу, выясняющему, какъ узналъ Лысенко въ поверженномъ имъ всаднику начальника польскихъ войскъ. Едавли только что произведенный въ карнеты вахмистръ, умѣвшій съ грѣхомъ по шоламъ читать и писать, и зналъ о девизѣ, о краковской шапкѣ. Къ тому же, это и не служило бы доказательствомъ еще и потому, что подобный девизъ могли носить и другіе генералы. Приведенный разсказъ Костомаровъ, очевидно, записалъ по однимъ польскимъ источникамъ²⁾.

Такъ или иначе, узнанный Косцюшко сдѣлялся предметомъ особыхъ заботъ со стороны своихъ пѣннителей—въ немъ видѣли и генерала, пользовавшагося большимъ уважениемъ даже среди непріятелей, и драгоцѣнѣйшую добычу,

¹⁾ Н. Костомаровъ. Пос. годы Рѣчи Пос. т. II, ст. 604.

²⁾ Pametniki Ksiedza Kitowicza изд. 1845 г., т. II.

о которой следовало порадъять. Косцюшко притомъ оказался еще раненымъ казацкими пиками. Его бережно перенесли въ лагерь русскихъ войскъ и помѣстили въ замкѣ вмѣстѣ съ прочими плѣнными генералами. Прійдя въ себя, Косцюшко изъявилъ желаніе увидѣть плѣнившаго его героя. Предъ нимъ предсталъ молодецъ—корнетъ (правда, уже не первой молодости—43 лѣтъ), мужественного вида, красавецъ собою, силачъ, положившій на мѣстѣ половину бывшихъ съ дикаторомъ поляковъ. Не совѣтно было бы никому попасть въ руки такого гиганта, и Косцюшко только молча пожалъ руку своему побѣдителю¹⁾.

У Костомарова²⁾ говорится, что честь плѣненія принадлежитъ не одному Лысенкѣ, а также и Корнету Елизаветградскаго полка Смородскому. Но въ представленіяхъ обѣ отличившихъ въ сраженіи подъ Маціевицами и въ реляціяхъ говорится такъ: Корнетъ Лысенко «главнокомандующаго польскихъ войскъ ранилъ два раза саблею, *поймалъ и сѣ другими обер-офицерами представилъ*³⁾. Рахмановъ въ своемъ представленіи о Лысенкѣ и Поручикѣ Пастуховскомъ пишетъ: отличили себя «преслѣдовавши непріятеля съ особливою храбростью и схватили самаго начальника Косцюшко, котораго изъ нихъ *Лысенко*, видя старавшагося спастись, догнавъ, два раза саблею ранилъ и *недопустилъ скрыться*⁴⁾. Въ письмѣ-же своемъ (ниже приводимомъ) Лысенко, между прочимъ, пишеть, что Пастуховскій не участвовалъ при нападеніи только потому, что потерялъ предъ тѣмъ свою лошадь. Наконецъ, г. Масловскій говоритъ, что въ плененіи принималъ участіе поручикъ Харьковскаго полка Потбѣскій⁵⁾, по такого офицера въ полку ни-

¹⁾ Отеч. Зап. 1822 г., ч. ХІІ, ст. 60.

²⁾ Говоря обѣ этомъ, пашъ почтенный историкъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, откуда онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія; ему-же, очевидно, не были известны тѣ источники, которыми пользовались мы. (Посл. годы Рѣчи Посп., т. II, стр. 604).

³⁾ Мос. арх. оп. 193, св. 85 и 86.

⁴⁾ Ibidem, оп. 200, св. 52.

⁵⁾ Воен. Сбор. 1893 г., кн. 11, ст. 15. (У автора есть полный списокъ всѣхъ служившихъ въ полку офицеровъ).

когда и не было. Смѣшиваетъ онъ его, вѣроятно, съ Пастуховскимъ. Всѣ эти офицеры¹⁾, кои вмѣстѣ съ Лысенкою представили плѣнника Ферзену, по всѣмъ вѣроятіямъ, съѣхались къ мѣсту схватки по окончаніи всего, когда Лысенко, узнавъ въ раненомъ польского вождя, приводилъ его въ чувство, когда бѣгали за водою и устраивали изъ казацкихъ пикъ носилки. О нихъ, какъ обѣ *участникахъ* только въ представленіи плѣнника, и говорится во всѣхъ реляціяхъ и въ спискахъ обѣ отличившихъ и награжденныхъ.

Главнымъ, значитъ, трофеемъ знаменитой битвы былъ Косцюшко, и честь взятія его въ плѣнъ принадлежитъ Харьковскому полку. Но отличіе его тѣмъ еще не ограничивалось: Поручику Адамову посчастливилось захватить въ плѣнъ Г. Сѣраковскаго²⁾, имѣвшаго среди поляковъ также большое значеніе. Генералъ этотъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ войскъ, разстроенная часть которыхъ присоединилась къ Косцюшкѣ послѣ пораженій, нанесенныхъ имъ Суворовымъ (4, 6, 7 и 8 сентября). Въ числѣ отличившихъ упоминается еще Корнетъ Ларинъ—онъ, при сближеніи 2-ой линіи съ непріятелемъ, выстроивши быстро свой взводъ, первый стремительно атаковалъ поляковъ³⁾ и увлекъ своимъ примѣромъ другихъ. Изъ отбитыхъ пушекъ во время преслѣдованія одну взялъ Вахмистръ Иванъ Фигарошевъ, произведенный за отличие въ корнеты⁴⁾.

Узнавъ о блестящей побѣдѣ, одержанной Ферзеномъ, сразу измѣнившей нѣсколько сомнительное положеніе русскихъ въ Польшѣ, Императрица не замедлила выразить свою радость раздачею щедрыхъ наградъ. Всѣмъ нижнимъ чинамъ корпуса приказано было выдать по одному рублю изъ экстроординарной суммы, находившейся въ распоряженіи Ферзена⁵⁾. Но

¹⁾ Мос. арх. оп. 193, № 86.

²⁾ Ibidem и оп. 200, св. 52.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem; оп. 193 № 86 и оп. 15 № 687.

⁵⁾ Ibidem, оп. 196, св. 8.

сь исполненiemъ этого приказанія онъ почему-то не спѣшилъ. Изъ дѣлъ видно, что полки не получили этихъ денегъ даже въ 1797 году ¹⁾, т. е., когда Екатерина уже умерла и у Ферзена не было уже той суммы, да и многихъ участниковъ битвы не было уже тогда въ полкахъ. За отличie въ сраженіи были произведены Харьковскаго полка (производство состоялось чрезъ годъ, но со старшинствомъ 29 сент. 1794 г.) 5 кадетовъ и 2 вахмистра въ корнеты и 3 поручика въ ротмистры ²⁾. Въ числѣ же награжденныхъ, къ удивленію, нѣть Поручика Адамова, не смотря на его выдающiйся подвигъ. Произведенъ былъ также въ подполковники Каменевъ, такъ успѣшно исправившій разрушенные мосты. Но награжденъ чиномъ онъ былъ Румянцевымъ не за это отличie, а за то, что привезъ ему «радостную вѣсть о побѣдѣ». За это-же самое Румянцевъ произвелъ и другого вѣстника побѣды, Поручика Енохина ³⁾, за которымъ не числилось никакихъ подвиговъ и отличiй, бромъ путешествiя къ Румянцеву на повозкѣ. Значитъ, отличiя Каменева, имѣвшее благотворное влiянiе на ходъ военныхъ дѣйствiй, и Адамова, лишившее поляковъ хорошаго генерала, остались ненагражденными, тогда какъ другiе офицеры награждались щедро за самыя заурядныя отличiя, какъ—«поступалъ мужественно, какъ порядочному офицеру надлежитъ», и то и безъ всякаго поясненiя подвига.

Произведенъ былъ наравнѣ съ прочими, мало чѣмъ себя отличившими, и Лысенко въ поручики (производство это состоялось также чрезъ годъ, со старшинствомъ). Вообще подвигъ Лысенко не былъ оцененъ и награжденъ по достоинству, какъ слѣдовало бы того ожидать. Только гр. Румянцевъ впослѣдствiи, видимо это сознавая, прислалъ ему 500 червонныхъ, половину которыхъ безкорыстнѣйшій герой нашъ раздалъ своимъ соратникамъ.

¹⁾ Ibidem, оп. 200, св. 42.

²⁾ Ibidem, оп. 15, № 687.

³⁾ Ibidem, оп. 196, св. 8.

Плѣнаго Косцюшку нужно было везти въ Петербургъ. Честь эта, сулившая большiя награды, принадлежала безспорно Лысенкѣ, и онъ былъ назначенъ для этого. Какъ только Косцюшко поправился на столько, что могъѣхать, Лысенко его повезъ, полонъ радужныхъ надеждъ. По дорогѣ имъ пришлось на нѣкоторое время задержаться, такъ какъ, вслѣдствiе утѣмленiя, едва зажившiя раны открылись у Косцюшкi снова. Между тѣмъ, со временемъ отѣзда Лысенки изъ армii, надъ его головой стряслась какая-то бѣда, которую онъ былъ, по всей вѣроятности, обязанъ интригамъ и зависти. Его обвинили въ томъ, что онъ будто-бы, безъ всякой нужды, ранилъ дважды Косцюшку. Это обвиненiе послужило поводомъ къ тому, что Федора Ильича вернули съ дороги, а везти дальнѣй плѣнника назначили Маюра Титова ¹⁾, коему выдали на путевые издержки 3 тысячи рублей. По другимъ источникамъ (рукопись Гуслистаго ²⁾) Лысенко былъ только посланъ въ Петербургъ съ донесенiемъ о побѣдѣ, его вернули и замѣнили сыномъ Ферзена. Г. Я. Гуслистый, слышавшiй разсказъ о плененiи отъ самаго Лысенки въ 20-хъ годахъ (записалъ его только въ 1861 г.); говоритъ, что онъ былъ отданъ даже подъ судъ, отъ котораго съ трудомъ и не скоро отѣдался, что его оправдали, но «выгнали со службы». Но этого, на самомъ дѣлѣ, не было. Во всѣхъ аудиторскихъ спискахъ съ 1794 по 1798 годъ, тщательно просмотрѣнныхъ, нѣть ни одного извѣстiя объ этомъ. Между тѣмъ, въ эти списки дѣло Лысенки, если бы оно было начато, неминуемо должно было попасть. Доказательствомъ того-же служатъ всѣ формулярные списки Лысенки. Въ нихъ въ графѣ о бытiи подъ слѣдствiемъ и судомъ вездѣ стоитъ «не бывалъ», а нахожденiе офицера подъ судомъ и слѣдствiемъ виосилось въ формуляръ, хотя бы онъ и былъ оправданъ. Неопровергjимъ доказательствомъ является и указъ объ отставкѣ

¹⁾ Ibidem 193, св. 85.

²⁾ Отрывки изъ этой рукописи напечатаны въ статьѣ «Забытый Герой», почему мы и позволяемъ себѣ говорить такъ.

Ротмистра Лысенки. Въ немъ говорится ясно, что «въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ»¹⁾. Со службы Лысенко также «выгнанъ» не быть, а по собственному желанию изъ Харьковскаго перевелся въ Переяславскій (1796 г.), а по его расформированиі быль опредѣленъ въ Павлоградскій полкъ (1797 г.). Въ 1798 году уволенъ быль по болѣзни въ отставку по прошенію штабсъ-ротмистромъ съ мундиромъ и пенсію половиннаго оклада. По суду въ отставку такъ не увольняютъ. Изданнныи источниками о Лысенкѣ являются выдержки изъ упомянутой рукописи Гуслищаго и «Плѣнитель Косцюшки» (Отеч. Зап. 1822 г.). Хотя эти обѣ статьи и составлены были со словъ самаго Лысенки, по въ нихъ много явныхъ неточностей, чemu нельзѧ и удивляться, пришвѣ во вниманіе, что Гуслищій, напр., записалъ свой разсказъ не скоро послѣ того, какъ слышалъ его. Несправедливо отнеслось начальство къ Лысенкѣ, такъ мало наградивъ его блестательный и важный послѣдствіями подвигъ. Соверши что либо подобное другой офицеръ, у кого были-бы вліятельные родные, или какая либо протекція, то онъ, конечно, быль бы освинанъ наградами и пошелъ-бы далеко. У бѣднаго-же Лысенкѣ не было рѣшительно никого, кто-бы могъ похлопотать за него. Единственнымъ лицомъ, обязаннымъ это сдѣлать, являлся командиръ полка, которому инструкція повелѣвала «пещись о подчиненныхъ своихъ, какъ отцу о дѣтяхъ, и поддерживать честь вѣренныхъ имъ полковъ». Но командиры того времени при «неограниченности власти, которую они себѣ присвоили», дѣлали, что хотѣли, и занимались, какъ о томъ уже было говорено, единственно только своимъ обогащеніемъ. Къ тому же командиръ Харьковскаго полка сидѣть въ плѣну у поляковъ, а временно имъ командовавшаго честь и слава полка могли и не интересовать. Судьба Лысенки находилась всецѣло въ рукахъ Ферзена, но этотъ генералъ очень безцеремонно об-

¹⁾ Два аттестата и указъ этотъ любезно предоставлены были въ наше распоряженіе Г-жею А. И. Томилиной. Этимъ не пользовался авторъ статьи «Забытый Герой», а также и архивныи материаломъ, который былъ собранъ нами.

ращался съ офицерами, даже когда не быть еще обличенъ большою властью. Такъ, въ 1792 г. Г. Кречетниковъ сдѣлалъ ему замѣчаніе и выговоръ зато, что онъ позволялъ себѣ обходиться съ подчиненными офицерами не по закону, а по собственному произволу, привязывая провинившихся *къ пушкамъ* и возя ихъ такъ походомъ; солдатъ-же онъ безпощадно гонялъ сквозь строй. Кречетниковъ въ своемъ выговорѣ писалъ, что такъ наказывать нижнихъ чиновъ можно, если они только того заслуживаютъ, но обращаться подобнымъ образомъ съ офицерами никто не имѣеть права. Приказывая, чтобы подобное виредъ не повторялось, Кречетниковъ напоминалъ, что для наказанія есть закономъ опредѣленный «награфъ» и что виновныхъ лучше всего отдавать подъ судъ. Говоря, что онъ не признаетъ такихъ позорныхъ наказаний, какъ привязываніе къ пушкамъ, несоответствующихъ достоинству офицерскаго званія, Кречетниковъ даетъ понять Ферзену, что онъ не оставилъ-бы безъ послѣдствія его выходокъ, если-бы не относилось того исключительно къ его усердію къ службѣ¹⁾.

Не менѣе несправедливо отнеслась къ Лысенкѣ и исторія, забывъ чрезъ иѣсколько уже лѣтъ его имя, когда онъ самъ еще жилъ, влача свое существованіе въ бѣдности. Съ терпѣніемъ переносилъ и покорялся Федоръ Ильичъ той несправедливостью, съ которой съ нимъ обошлись, не напоминая испѣмъ о себѣ. Но онъ былъ возмущенъ до глубины своей незлобивой душѣ тѣмъ, что даже честь плененія Косцюшки стали приписывать другому лицу. Перенести такого нравственного удара онъ не могъ. Приводимъ здѣсь въ подлинникѣ письмо его редактору «Военнаго Журнала», где онъ проситъ его путемъ печати возвратить ему должное. Письмо это краснорѣчиво покажетъ читателю то душевное настроеніе несправедливо обиженнаго человѣка, какое долженъ быть непреносять вѣрный слуга отечества, не разъ въ беспрестанныхъ бояхъ проливавшій за него кровь и оказавшій ему неоцѣненную услугу, въ награду за которое оно его такъ скоро забыло.

¹⁾ Мос. арх. оп. 200 № 35, ч. II.

«Недавно — пишет Лысенко — миѣ попалась книга «Жизнь и воинская дѣйствія Генералиссимуса кн. Италианского гр. Суворова-Рымникского», изданная Мак. Парпурою (Епб. 1800 г.). Я началъ читать ее съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ всякий истинный гражданинъ долженъ взирать на дѣла своего великаго соотечественника и героя, подъ начальствомъ котораго служилъ съ честью. Но какое было мое неудовольствіе, когда нашелъ я въ ней, на страницѣ 70, что знаменитый Косцюшко взять въ пленъ какимъ-то Харьковскаго легкоконнаго полка Корнетомъ Пиличенкомъ. Служа 15 лѣтъ въ семъ полку, я никогда не слышалъ даже про такое имя; не довольствуясь симъ, я отправился въ Военную Коллегію и взятымъ изъ оной свидѣтельствомъ, которое при семъ прилагаю, удостовѣрился, что такого корнета въ семъ полку никогда не бывало. Что-же касается до Косцюшки, то при семъ прилагаю подлинный указъ о моей отставкѣ и аттестаты родного Вашего ляди, Г. М. Рахманова. Изъ сихъ бумагъ Вы усмотрите, что знаменитаго Косцюшку взяль въ пленъ Харьковскаго-же легкоконнаго полка корнетъ, но не Пиличенко, а я, ударивъ съ 2 рейтарами (гусарами) и 2 казаками на его конвой, состоявший изъ 10 человѣкъ, изложивъ 4 собственною рукою, получивъ самъ рану, изрубивъ на-двое нанесшаго мнѣ оную и ранивъ самого Косцюшку. Поступокъ мой былъ гласенъ въ цѣлой арміи, и я награжденъ за оный чиномъ поручика, да вноскѣствіемъ гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскаго присланъ мнѣ 500 червонныхъ, изъ которыхъ я удѣлилъ часть своимъ соратникамъ и 200 червонныхъ храброму Поручику Пастуховскому, который при упомянутомъ нападеніи потерялъ свою лошадь и единственно отъ того не участвовалъ въ нашемъ подвигѣ».

«20 лѣтъ служилъ я своему отечеству, 20 лѣтъ блисталъ мечъ мой въ бояхъ и на приступахъ и, наконецъ, рѣшилъ судьбу государства, которое нѣкогда потрясало

Россію. Теперь, въ преклонныхъ лѣтахъ, когда хладная старость уносить остатокъ силъ моихъ, когда несчастный жребій мой оставилъ меня на жертву ужасающей бѣдности, болѣю видѣть, что даже самая исторія не отдастъ должной справедливости тому, который презиралъ смерть, чтобы жить въ потомствѣ. Если духъ Вашъ соответствуетъ Вашему званію воина и россіянина, то подвиги воинские должны быть драгоценны сердцу Вашему. Вступитесь за соотечественника Вашего, вступитесь за истину, успокойте бѣднаго воина, который носѣдѣлъ въ браяхъ, неоднократно проливавъ кровь свою за отечество и, страдая подъ игомъ нищеты, молить, чтобы хотя его имя не было скрыто для потомства»¹⁾.

Редакторъ поспѣшилъ исполнить просьбу Лысенки, прибавивъ отъ себя: «Съ великимъ удовольствіемъ сообщаемъ здѣсь письмо сіе. Мы читали всѣ аттестаты и указъ объ отставкѣ Штабсъ-Ротмистра Лысенки, видѣли свидѣтельство Государственной Военной Коллегіи о знаменитомъ его подвигѣ, имѣвшемъ вліяніе на благосостояніе отечества»²⁾.

На этотъ разъ слава Лысенки была возстановлена, но нашлись люди, кои, не въ силу легкаго отношенія къ историческимъ событиямъ или случайно вкравшейся ошибки (какъ въ книгѣ Парпуры), а умысленно вознамѣрились оттягивать славу его завиднаго для всякаго воина подвига. Такимъ претендентомъ явился донской атаманъ Денисовъ. Въ своихъ запискахъ онъ говорить, что Косцюшку взяли въ пленъ казаки его команды, т. е., значитъ, въ нѣкоторомъ родѣ онъ. Денисовъ очень картино, подробно и, повидимому, правдиво повѣствуетъ объ этомъ событиї. Но атаманъ, вѣроятно, предвидѣлъ возможность сомнѣнія въ справедливости разсказа, если счѣсть почему-то нужнымъ начать его слѣд. словами: «Расскажу благосклонному читателю по сущей справедливости, по строгому разысканію, мною произведеному, и по точнымъ доказательствамъ отъ бывшихъ при томъ каза-

¹⁾ Вoen. Жур. т. ХІІ, ст. 65.

²⁾ Ibidem.

ковъ, собраннымъ о томъ, какъ взять польскій начальникъ Косцюшко»¹⁾). Окончивъ описание подробностей плененія, онъ увѣряетъ зачѣмъ то читателя, что описалъ его «безъ малѣйшей посторонней матеріи». Мы собственно не считаемъ нужнымъ приводить доказательства того, что весь разсказъ Денисова отъ начала и до конца расходится съ истиной, ибо стоптъ-ли что либо возражать человѣку, который самъ себѣ поетъ такой панегирикъ: «Я совершилъ удаленіе отъ интригъ. Политикъ я не придерживался и не любилъ ея, должностъ мою я съ исключительнымъ усердіемъ исполнялъ. Для меня хронично, а самое лучшее то, что испрѣятели столько меня *уважали*, что ежели я атакую ихъ казаками, и они о семъ узнаютъ, то за лучшее считаются *изъ почтенія бѣжать*»²⁾). Нельзя, впрочемъ, удержаться, чтобы не привести еще одного мѣста изъ его «правдивыхъ» записокъ. Денисовъ, позванный казакомъ, пріѣхалъ будто бы на мѣсто, гдѣ ему указали лежавшаго на землѣ раненаго поляка, говоря, что это и есть Косцюшко. Но атаману понадобилось, чтобы удостовѣриться, спичить популярнаго диктатора съ имѣвшимся при немъ портретомъ («хотя (онъ) и зналъ иѣсколько Косцюшко»). Когда раненый пришелъ въ сознаніе, Маляръ Денисовъ сказалъ ему, что его знаетъ. На это генералиссимусъ, диктаторъ, только что открывшій глаза, страшно ослабѣвшій отъ потери крови, будто бы отвѣтилъ: «и я васъ знаю—вы Полковникъ Денисовъ» (!)³⁾.

Отправивъ пленнаго въ лагерь къ главнокомандующему, самъ атаманъ пустился, по его словамъ, преслѣдовать поляковъ даѣ. Но трудно допустить, чтобы этотъ маляръ, такъ ревниво выставляющій на каждомъ шагу свои заслуги, въ запискахъ котораго такъ и сыплются выраженія «срубиля», «опрокинулъ», предъ которымъ обыкновенно все изъ почтѣнія бѣгутъ, упустиль-бы такой удобный случай и не повезъ-

¹⁾ Рус. стар. 1874 г., стр. 407—409.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, ст. 406.

бы самъ знаменитую добычу представить начальству. Но неопровергимымъ доказательствомъ, противъ котораго ничего уже возразить нельзя (и что Денисовъ упустилъ изъ вида), служатъ подлинные формуляры, реляціи, списки отличавшихся съ подробнымъ описаніемъ подвиговъ каждого. Все это хранится въ архивѣ и тщательно было просмотрено. Въ представленихъ-же о донскихъ казакахъ, отличавшихся въ сраженіи при Маціевицахъ, нигдѣ не говорится, чтобы Косцюшко былъ взятъ въ пленъ ими, а тѣмъ болѣе Денисовымъ, какъ онъ повѣствуетъ. Тамъ нѣть даже казаковъ Топилина и Лосева, но это потому, что они состояли при Ферзенѣ. О самомъ же Малярѣ Логвинѣ Денисовъ говорится такъ: «отличилъ себя во многихъ сраженіяхъ и при низложеніи, и плененіи оставшихся мятежныхъ польскихъ войскъ», за что и производится въ подполковники²⁾). Это представление послѣдовало уже по окончаніи войны, а въ числѣ отличавшихся при Маціевицахъ нѣть нигдѣ ни Денисова, ни его казаковъ. Впрочемъ, самъ атаманъ плакется и сътупаетъ на то, что его не наградили за совершенный имъ на бумагѣ подвигъ: «Я обойденъ и обиженъ предъ всѣми!» Но это ему необходимо было, конечно, прибавить для полноты картины, иначе читатель могъ-бы задаться вопросомъ, чѣмъ-же наградили героя. Такимъ образомъ, приведя все вышеизложенное, основанное на точныхъ документальныхъ данныхъ, мы считаемъ Лысенку единственнымъ виновникомъ плененія Косцюшки. Остается только не выясненнымъ, почему Федора Ильича вернули съ дороги въ Петербургъ, а также былъ-ли онъ въ дѣйствительности туда и командированъ. Есть основаніе къ этому относиться сомнительно, такъ какъ источники, записанные со словъ самого Лысенки, говорятъ-же о бытности его подъ судомъ и о томъ, что его выгнали со службы; хотя ни того, ни другого и не было. Въ письмѣ Лысенки къ редактору нѣть ни одного такого слова, которое-бы позволило намъ повѣрить,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Мос. арх. оп. 196, св. 8.

что, вмѣсто виолѣ заслуженной имъ большой награды, онъ попалъ подъ судъ. Не выгодно было просто Ферзену, одержавшему такую славную побѣду, особенно уже ярко выставлять подвиги своихъ подчиненныхъ, что могло бы иѣсколько умалять его собственные. При томъ, не съ однимъ, вѣдь, Лысенко поступили несправедливо! Производились и награждались щедро ординарцы и вѣстники побѣды, быть можетъ, видѣвшіе ее только издали, а не награждались въ действительности отличившіеся. Не награжденъ-же былъ ни чѣмъ Поручикъ Адамовъ, взявший въ пленъ генерала Сѣраковскаго, не смотря на то, что Г.-М. Раухмановъмъ онъ былъ представленъ Ферзену къ наградѣ! Позволяемъ себѣ надѣяться, что слава Лысенка, которою онъ такъ дорожилъ и ревниво охранялъ при своей жизни, намъ удалось до известной степени возстановить и упрочить послѣ новой попытки Денисова присвоить ее себѣ, когда герой напѣтъ уже изъ-за могилы самъ вступиться за нее не могъ.

Для полной оцѣнки личности Лысенка необходимо прослѣдить его дальнѣйшую судьбу. Оставаясь послѣ Мациевицкой битвы при полку и участвуя съ нимъ въ дѣлахъ, онъ снова обращаеть на себя вниманіе при штурмѣ Праги, этомъ послѣднемъ вздохѣ самостоятельного польскаго королевства, гибель коего онъ приснѣніемъ своимъ подвигомъ. За штурмъ Лысенко получилъ кресть¹⁾, хотя свидѣтельство ему и было выдано только 18 марта 1811 г. (подобное опозданіе было не у него одного, а и у многихъ). Прибавляемъ мы это потому, что въ томъ видѣть доказательство бывшаго надъ Лысенкою суда.

Пробывъ въ отставкѣ съ 1798 по 1812 годъ (въ это время онъ женился и поступилъ на службу въ почтамтъ) Лысенко въ декабрѣ 1812 г. поступилъ снова въ 3-й Украинскій казачій полкъ поручикомъ. Съ самаго открытия кампаниіи съ французами, Лысенко рвался въ бой, какъ старый кавалерійскій конь, иосыпавъ сигналъ; но болѣзнь, прико-

¹⁾ Моск. арх. оп. 58, св. 400.

вавшая его къ постель, ему того не позволила. Въ войнѣ 1813—1814 г. паникъ престарѣлый герой принималъ участіе въ 22-хъ сраженіяхъ, между которыми иѣкоторыя были генеральныя—подъ Лейпцигомъ и Бауценомъ, а также во многочисленныхъ авангардныхъ дѣлахъ и мелкихъ стычкахъ. За отличие при Лейпцигѣ онъ былъ произведенъ въ чинъ штабсъ-ротмистра²⁾.

Окончательно съ военною службою Лысенко покончилъ только въ 1816 г. и вышелъ въ отставку по болѣзни ротмистромъ съ муниціпомъ и пенсіей половинаго оклада (170 р. въ годъ).

На такія ничтожныя деньги Лысенкъ, имѣвшему двухъ дѣтей, существовать было очень трудно, и первое время по выходѣ въ отставку онъ пользовался поддержкою помѣщика Курской губерніи Сомова, у которого жилъ со всею семьею. Но, оставившись съ его смертно рѣшительно безъ средствъ, Лысенко, доведенный къ тому обстоятельствами, впервые рѣшился напомнить о себѣ, просить Государя не оставить и наградить его за 24-лѣтнюю службу (съ 1778 по 1798 и съ 1812 по 1816 г.), которую онъ провелъ въ постояннѣхъ войнахъ. Императоръ Александръ I, видимо, сознавая, что съ нимъ поступили несправедливо, такъ мало наградивъ, полезную его отечеству службу, повелѣть Правительствующему Сенату отвести Ротмистру Лысенку въ награду, «ревностной, долговременной» его службы 1000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи¹⁾ и дать ему 1000 р. единовременного пособія²⁾ на проездъ туда.

Казалось-бы, съ этимъ щедрымъ даромъ должны были окончиться всѣ мытарства злонамѣннаго Федора Ильича, но онъ былъ несчастливъ во всемъ, и ему положительно не везло. Уже на дорогѣ въ свое имѣніе, какъ иѣкогда въ Петербургъ, его ждало разочарованіе—ему сдѣлался извѣстенъ указъ, запрещавшій раздавать земли въ Саратовской губерніи, въ виду малочисленности земель въ ней. Снова начался для Лысенки

¹⁾ Указъ объ отст.

²⁾ Отеч. Зап. 1822 г., часть XII.

рядъ хлопотъ и мытарствъ въ Петербургѣ, куда онъ возвратился, оставивъ семью на дорогѣ, и томился до возвращенія туда Императора. Здѣсь онъ заболѣлъ снова и лежалъ въ Обуховской больницѣ, гдѣ служилъ тогда ординаторомъ Г. Я. Гуслисъ, слышавшій отъ Лысенки длинную повѣсть его жизни, полную боевыхъ успѣховъ и жизненныхъ неудачъ. Къ сожалѣнію, какъ мы уже говорили, повѣсть эта была записана Гуслисомъ только 40 лѣтъ спустя, а такой длинный періодъ времени вполнѣ достаточенъ, чтобы искажить и передать невѣрно слышанное, о чёмъ онъ, вирочемъ, говорить и самъ въ своей рукописи. Въ замѣткѣ земли въ Саратовской губерніи, Лысенко получилъ, по приказанію Императора, столько-же въ Самарской, но, въ виду ея неплодородія, продалъ ее и выручили только 800 рублей. Послѣ этого онъ поселился на родинѣ своей, въ Курской губерніи, гдѣ и умеръ на 82 году своей жизни. И теперь еще въ Тимѣ (Курской губ.), гдѣ похороненъ Лысенко, сохранилась слѣдующая эпиграфія на камнѣ, лежащемъ на могилѣ Федора Ильича:

«Здѣсь тѣло отставнаго ротмистра Федора Ильича Лысенко родился 1751 года февраля 12 дня умеръ 1832 года апрѣля 29 дня жилъ 81 годъ 2 мѣсяца и 11 (17?) дней и въ жизни своей на войнѣ самъ взялъ Костюшку въ пленъ»¹⁾.

Надпись эта подъ влияніемъ всесокрушающаго времени съ каждымъ годомъ дѣлается все менѣе разборчивою, а слово «Костюшку» сдѣлалось уже неотчетливымъ. Непогоды, ополчившіяся на эту плиту, начали свою работу съ этого слова, какъ-бы приходя на помощь завистникамъ славы Федора Ильича. Вся надпись скоро исчезнетъ, если своевременно о ней не позаботятся.

¹⁾ Въ статьѣ «Забытый Герой» надпись эта передана не вѣрно, съ ошибками въ датахъ и съ пропускомъ двухъ строкъ, почему мы здѣсь и приводимъ ее цѣлкомъ.

Глава XI.

Соединеніе съ Суворовымъ.—Поискъ къ Окупеву.—Сраженіе у Кобылкѣ.—Приготовленіе къ штурму Праги.—Распределеніе войскъ.—Охотники.—Штурмъ.—Гибель поляковъ.—Отличившіяся.—Награды.—Сдача Варшавы.—Освобожденіе пленныхъ.—Конецъ Польши.—Расположеніе на зимнія квартиры.—Годовой отчетъ.—Возвращеніе въ Россію.

азбивъ поляковъ подъ Маціевицами и простоявъ нѣкоторое время на мѣстѣ, чтобы дать отдыхъ войскамъ, Ферзенъ поспѣлъ на сѣверъ къ Станиславову. Суворовъ въ этомъ городѣ приказалъ ему присоединиться къ своему корпусу, дѣйствуя однимъ только именемъ Императрицы¹⁾ еще до Высочайшаго повелѣнія о подчиненіи ему войскъ Репнина (20 окт.). Самъ великий полководецъ въ это времяшелъ отъ Бреста на Яновъ, Венгрію и Станиславовъ, гдѣ утромъ 14 октября соединился съ корпусомъ барона Ферзена. Въ свомъ маршѣ отъ Бреста Суворовъ гнался за отрядомъ Мокроповскаго. Одна его половина успѣла уйти въ Прагу, другая тянулась еще сзади. Ее Суворовъ догналъ у д. Кобылки (въ 14 верстахъ отъ Праги). Наканунѣ этого дня онъ приказалъ Ферзену произвести ночной поискъ отъ Станиславова къ Окупеву (15 verstъ), а самъ, выславъ впередъ авангардъ, силою въ тысячу коней, двинулся по направлению къ Кобылкѣ, гдѣ и произошло сраженіе. Въ битвѣ этой принимала участіе съ нашей стороны почти одна кавалерія. Нѣкоторая ея часть дѣйствовала въ спѣшишномъ строю и ходила въ атаку на пѣхоту съ саблями и палашами.

Ферзенъ, окончивъ свой поискъ къ Окупеву и не найдя тамъ непріятеля, поспѣшилъ оттуда къ Кобылкѣ, желая по-

¹⁾ Масловскій. Воен. Сб. 1893 г., № 11.

спѣть во время, но прибыть, когда уже Суворовъ покончилъ съ непріятелемъ. Вслѣдствіе этого, Харьковскій полкъ, ходившій къ Окуневу, не участвовалъ въ этой последней схваткѣ съ поляками въ открытомъ полѣ. Но, по засвидѣтельствованію Г.-М. Иллієвса, въ дѣлѣ при Кобылкѣ отличились храбростью два ротмистра Харьковскаго полка—Нѣмцовъ и Алешинъ, состоявшіе, вѣроятно, при немъ. Эти два офицера отличились въ то время, когда Черниговскій карабинерный полкъ подкрѣплялъ Переяславскихъ конныхъ егерей, когда, несмотря на сильный огонь непріятеля, осыпаемые картечью, конноегеря заняли дефилѣ¹⁾). Эти два офицера были награждены Суворовымъ производствомъ въ слѣдующіе чины.

Суворовъ некоторое время задержался у Кобылкѣ, чтобы сосредоточить свои силы. Къ нему здѣсь присоединился и корпусъ Дерфельдена. Время стоянки у Кобылки было посвящено начальниками колоннъ, предназначеными для штурма Праги, на рекогносировка ея укрѣпленій. Тамъ-же въ лѣсахъ пелись туры, дѣлались фашини, лѣстницы и приготовлялся хворостъ. Утромъ 22 октября русскіе съ распущенными знаменами съ музыкою, при грохотѣ барабановъ тронулись изъ лагеря и, по заранѣе отданиему приказанію, обложили Прагу, прогнавъ непріятельскіе передовые посты. Съ возведенныхъ батарей былъ открытъ усиленный огонь съ цѣлью заставить поляковъ думать, что армія наша намѣрена приступить къ правильной осадѣ, тогда какъ штурмъ ея былъ уже окончательно рѣшиенъ Суворовымъ, диспозиція составлена и знаменитый, неожидаемый полякамъ, приступъ назначенъ на 24 октября. Прагу защищали 30 тысячъ поляковъ подъ начальствомъ Мокроповскаго. У Суворова войскъ было немного, но онъ все таки рѣшился на штурмъ, такъ какъ лучшія войска поляковъ были уничтожены подъ Маціевицами, а ихъ даровитый вождь былъ въ плену. Для штурма войска наши были раздѣлены на 7 колоннъ, къ которымъ присоедини-

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

нена была и часть регулярной кавалеріи. Харьковскій полкъ былъ назначенъ въ одинъ изъ четырехъ кавалерійскихъ резервовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Г.-М. Шевича¹⁾). Пѣхота вся пошла на приступъ, и резервъ ея поэтому не было.

Съ безпримѣрию храбростью велился этотъ скоропостижный штурмъ. Солдаты помнили, что въ той Варшавѣ, которая лежитъ за Прагою, многіе ихъ товарищи полгода тому назадъ такъ предательски пали смерть, а многіе томились еще въ неволѣ, ожидая отъ нихъ избавленія. При томъ-же со взятиемъ Праги и Варшавы должна была окончиться эта тянувшаяся такъ долго война, а изнуренныя походами и лишненіями войска нуждались въ отдохновеніи.

Хотя Харьковскій легкоконный полкъ непосредственнаго участія въ штурмѣ не принималъ, но многіе изъ его чиновъ участвовали въ немъ въ качествѣ охотниковъ. 23-го вечеромъ эти охотники были собраны и распределены по колоннамъ. «Охотники эти», говорилось въ приказѣ, «со своими начальниками станутъ впереди колоннъ (по 128 при каждой съ 272 работниками), съ ними рабочіе,—они понесутъ плетни для закрытия волчьихъ ямъ, фашини для закидки рвовъ, лѣстницы, чтобы лѣзть изъ рва чрезъ валъ»²⁾. Даѣше приказывалось «стрѣльбой не заниматься,... бить и гнать враговъ штыками, работать быстро, храбро, по русски..., безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, малолѣтнихъ не трогать».

Ночь съ 23 на 24 была теплая, чисто лѣтняя, но очень темная. Въ полной темнотѣ съ соблюденіемъ строжайшей тишины стащѣ войска по колоннамъ въ назначенныхъ диспозицію мѣстахъ. Колонны подошли такъ близко къ укрѣпленіямъ, что слышались даже разговоры поляковъ. По сигналы ракетамъ колонны двинулись на штурмъ. Услышавъ, пакошецъ, приближеніе нашихъ войскъ, Прага разразилась пушечной пальбою. Русскіе не отвѣчали. Съ крикомъ

¹⁾ Масловскій. Воен. Сб. 1893 г., № 11, стр. 25.

²⁾ Рус. Инв. 1847 г., №№ 151—154. Рассказы старого воина о Суворовѣ.

Ура! колонны бросились, засыпая рвы фашинникомъ, на валъ и полѣзли по приставленнымъ лѣстницамъ. Бывшая предъ этимъ глубокая тишина смѣнилась криками сражавшихся, стонами раненыхъ, пушечной и ружейной пальбою. Укрѣпленія переходили въ наши руки. Штыками сбитые съ вала поляки бросились въ Прагу, за ними на плечахъ ворвались наши солдаты, гдѣ и загорѣлся ужасный бой, правильнѣе безпощадная рѣзня. Наші солдаты были осыпаемы жителеми изъ оконъ пулами. Даже женщины бросали на голову всѣмъ, что попадало подъ руку. Это до крайности раздражало нашихъ воиновъ. Они врывались въ дома, забывъ приказъ Суворова, и смерть была на каждомъ шагу. Непріятель бросался было къ мосту, желая бѣжать въ Варшаву, но мостъ оказался, по приказанію Суворова, разрушеннымъ. Спасенія не было ни гдѣ. Поляки, не желая сдаваться, гибнули подъ ударами разсвирѣпившихъ воиновъ, илитонули въ Вислѣ, куда бросились, тщетноща тамъ спасенія.

Наконецъ, стрѣльба кончилась, защитники Праги погибли. Пожаръ, зажженный гранатами, пстребляль предмѣстье, солдаты грабили дома по катихизису Суворова—«возьми лагерь—все ваше; возьми крѣпость—все ваше». А награду они заслужили, взявши такія страшныя укрѣпленія съ глубокимъ рвомъ и полисадомъ! Поляки потеряли убитыми и утонувшими около 9—10 тысячъ, ранеными отъ 11 до 13, всего до 23 тысячъ¹⁾. Это была хорошая тризна по погибшимъ русскимъ во время революціи! Мы потеряли около 300—400 убитыми и около 2 тысячъ ранеными.

При штурмѣ Праги отличились нѣсколько офицеровъ Харьковскаго полка. Изъ нихъ Ротмистръ Стратимировичъ, поручики Воеводскій, Тодоровичъ, Клинича, Корнетъ Лысенко и Вахмистръ Поповъ находились по собственному желанію въ 6-ой колоннѣ Г.-М. Рахранова. Всѣ они были впереди съ охотниками подъ командою Маюра Башинова, «отважно и

¹⁾ Воен. Обор. 1893 г., № 11, ст. 29.

храбро (по аттестаціи Рахранова), бросивши чрезъ ровъ на валъ, ободрили и подали примѣръ стрѣлкамъ завладѣть валомъ и поражать на итикахъ непріятеля»²⁾). Въ той-же 6-й колоннѣ отличился Поручикъ Воеводскій. Будучи впереди съ охотниками, онъ первый взошелъ на батарею и овладѣль одною пушкою, преслѣдоватъ потомъ съ Поручикомъ Адамовымъ непріятеля до самаго моста. Онъ врывался съ охотниками въ дома, гдѣ поляки засѣли и стрѣляли изъ оконъ, выбивая оттуда, а нежелавшихъ сдаваться убивалъ³⁾. Отличили себя «расторопностью», при развозѣ приказаний, бывшие при Суворовѣ Ротмистръ Аленинъ, поручики Христодуловъ, Черноглазовъ и Вахмистръ Алексѣй Кицинковъ. Въ числѣ отличившихъ упоминается и Поручикъ Миргородскій. Нѣкоторые изъ офицеровъ были награждены Суворовымъ слѣдующими чинами, а Вахмистръ Иванъ Поповъ—корнетскимъ чиномъ. Кромѣ того, всѣ участники штурма были впослѣдствіи награждены особымъ знакомъ—золотымъ крестомъ на георгіевской лентѣ. На одной его сторонѣ стояла надпись «за труды и храбрость», на другой «Прага взята 1794 года, 24 октября». Этотъ знакъ былъ данъ всѣмъ офицерамъ, не получившимъ за штурмъ ордена Св. Георгія и Св. Владимира. Такими золотыми крестами были награждены 12 офицеровъ Харьковскаго полка³⁾. Для низшихъ чиновъ, участвовавшихъ въ польской войнѣ и литурмѣ, была утверждена серебряная четырехугольная медаль для ношения въ петлицѣ на красной лентѣ. 873 человѣка низшихъ чиновъ Харьковскаго полка получили такія медали⁴⁾.

Варшава сдалась на капитуляцію. 29 октября послѣдовало торжественное вступленіе въ нее русскихъ войскъ. Магистратъ города тогчась-же представилъ Суворову всѣхъ пленныхъ генераловъ, чиновъ, захваченныхъ при посольствѣ, офицеровъ

¹⁾ Воен. Учен. арх. от. I, № 1220; Мос. арх. оп. 196, № 8.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, оп. 58, св. 400.

⁴⁾ Ibidem.

и нижнихъ чиновъ, числомъ 1376. Суворовъ въ своемъ донесеніи пишетъ, что «зрѣлище при свиданіи ихъ съ нашими было не только слезное и чувствительное, но важное и нечто священное. Они съ радостными слезами называли ихъ избавителями, кидались обнимать побѣдителей, враговъ, а своихъ защитниковъ»¹⁾.

Поляки содержали пленныхъ и обходились съ ними во все время хорошо, кроме первыхъ дней, сгѣдовавшихъ за революціею. Послѣднее-же время, за нѣсколько дней до штурма, жизни ихъ снова стала угрожать страшная опасность, виновникомъ чего былъ Кеппель Гуго Коллонтай. Этотъ Коллонтай, выдающійся польскій писатель, принималъ дѣятельное участіе въ конституції 3-го мая и былъ собственно главнымъ ея творцомъ. Въ восстаніи, поднятомъ Косciошкою, онъ игралъ также не послѣднюю роль, хотя и былъ тайнымъ врагомъ диктатора. Онъ былъ членомъ народовой рады и завѣдывалъ казною. Коллонтай писалъ пламенные воззванія къ молодежи, призываю ѹ къ оружію и прикидываясь горячимъ патріотомъ²⁾. Этотъ самый Коллонтай внесъ предложеніе въ раду умертвить всѣхъ русскихъ пленныхъ и повѣспить всѣхъ содержащихся подъ арестомъ поляковъ, которыхъ подозревали въ приверженности къ русскому правительству. Намѣреніе это положено было привести въ исполненіе въ день вступленія нашихъ войскъ въ Варшаву. Этотъ горячий патріот успѣлъ за нѣсколько часовъ до вступленія уйти, укравъ 150 тысячъ червонныхъ народныхъ денегъ, бывшихъ у него на храненіи³⁾. Въ числѣ освобожденныхъ пленныхъ было много пруссаковъ и австрійцевъ. Всѣ пленные имѣли, значитъ, серьезныя причины плакать отъ радости и благодарить своихъ избавителей изъ неволи и отъ смерти.

Всѣ чины Харьковскаго полка, въ числѣ 111 человѣкъ, по своемъ освобожденіи, вернулись въ свой полкъ и были въ

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

²⁾ Korresp. 1049 ст. № 47.

³⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

него зачислены (6 ноября). Бригадиръ Карлъ Феодоровичъ Боуръ снова вступилъ въ командованіе полкомъ¹⁾.

Два офицера не вернулись изъ пленя и въ числѣ освобожденныхъ ихъ не оказалось—Секундъ-маиръ Клавдъ-де-Белькотъ и Корнетъ Ожаровскій. Первый изъ нихъ былъ переведенъ въ полкъ изъ Марципольскаго легко-коннаго полка въ 1792 году, второй въ 1794 году—изъ расформированныхъ въ томъ году польскихъ войскъ. Что случилось съ этими офицерами—неизвѣстно. Передались, вѣроятно, на сторону поляковъ и, при торжествѣ русскаго оружія, бѣжали. Эти иностранцы ничего общаго съ русскими не имѣли, почему, конечно, ихъ поступки и не могутъ ложиться пятномъ на полкъ, всегда, болѣе уже столѣтія, такъ свято сгѣдовавший «своему долгу». Суворовъ, получивший за взятие Праги чинъ фельдмаршала и другія награды, тотчасъ-же съ обычною своею быстротою приступилъ къ обезоруженію польскихъ войскъ, которыхъ, впрочемъ, охотно, даже часто вопреки приказаніямъ своихъ начальниковъ, исполняли требование положить оружіе. 8 ноября фельдмаршаль сообщилъ объ этомъ Реннику и послалъ рапортъ гр. Румянцеву-Задунайскому: «Варшава. День Архистратига Михаила. Вивать Великая Екатерина! Все кончено, Сиятельный Графъ! Польша обезоружена! Графъ Александръ Суворовъ-Рыминскій»²⁾.

Такимъ образомъ, кончилась эта война, затянувшаяся до глубокой осени. Надоѣла она и русскимъ, надоѣла и полякамъ, что ясно изъ той готовности, съ которой хотѣли они отдать Суворову Варшаву по первому-же его требованію. Если же переговоры нѣсколько и затянулись, то это случилось вслѣдствіе оппозиціи со стороны небольшой партии. Видно это

¹⁾ Освобождены были изъ пленя: Бригадиръ Боуръ, Секундъ-маиръ Свищуновъ, Поручикъ Немаркъ, Корнетъ Броунъ, Рекуновичъ, Якубенкъ, Будянскій, Чаздинковъ, беретторъ Иваловъ, Вахмистръ Францъ Пруссскій.—Рап. пол.

²⁾ Воен. Уч. арх. I, № 101. На лісъмѣ стоитъ помѣтка «17 число» (по новому стилю); день св. Арх. Михаила—8 ноября, что должно было бы быть 20 число по новому стилю, 17-же составляетъ 5. Снова ошибка, какъ и въ датахъ относитъ революціи.

и изъ той быстроты, съ которой Суворову удалось обезоружить войска. Одинъ только Вавжецкій пытался было уйти, но подчиненные ему войска буквально таяли и разбѣгались въ стороны, такъ что и онъ принужденъ былъ положить оружіе около Радошицы. Польша окончательно перестала существовать, земли ея по третьему раздѣлу были разобраны Россіею, Австріею и Пруссіею. Эти послѣднія два государства получили слова болѣе лучшія ея части, получили незаслуженно, ибо въ продолженіи столькихъ лѣтъ безпрерывныхъ войскъ вся тижесть ихъ ложилась исключительно на одну только Россію. Сбылись, такимъ образомъ, пророческія слова одного изъ королей Польши, съ удивительной точностью предсказавшаго за много лѣтъ конечную судьбу иѣкогда могущественнаго государства. 10 ноября Суворовъ распорядился о расположении войскъ на зимнія квартиры. Харьковскій полкъ, состоявший въ 3-мъ корпусѣ Ферзена и въ бригадѣ Г. Денисова, былъ расположенъ въ Боровицахъ¹⁾). Но полку не приходилось вполнѣ отдыхать послѣ столькихъ трудовъ, ибо часто приходилось конвоировать пленныхъ малыми командами и цѣлымъ полкомъ. До конца этого года полкъ перемѣнилъ иѣсколько квартиръ, быть въ Брѣстѣ-Литовскѣ, въ с. Сѣраховцахъ, а 1 января 1795 года застало его въ с. Головичи. Третій эскадронъ полка оставался долго около Варшавы съ вагенбургомъ, гдѣ было оставлено также полковое казначейство. На полкъ было возложено самому довольствовать лошадей. На четверть овса отпускалось 18, а на пудъ сѣна 2 польскихъ злотыхъ.

Въ продолженіи всего истекшаго года полкъ Харьковскій понесъ особенно чувствительную потерю въ лошадяхъ. Въ началѣ 1794 года въ немъ было 907 строевыхъ и 97 подъемныхъ, всего 1004 лошадей, т. е., то, что полагалось имѣть по штату. Къ 1-му января слѣдующаго года при полку было только на лицо 587 строевыхъ и 71 подъемныхъ лошадей, да 38 числившихся въ отлучкахъ. Требовалось въ добавку

¹⁾ Моск. арх. оп. 199, № 36.

282 строевыхъ и 26 подъемныхъ. Въ продолженіи года было куплено полкомъ 218 строевыхъ (и 10 подъемныхъ) и прибыло изъ командировкіи 99 лошадей (и 83 подъемныхъ). Вся убыль въ теченіи года равнялась 500 лошадямъ строевымъ; это число складывалось такъ:

пристрѣлено за неизлечимыми болѣзнями	86
пало	82
убито и захвачено въ Варшавѣ 289, убито при Маціевицахъ, 25, пало изъ раненыхъ при Песочной 2 и при Маціевицахъ 25, всего убито и пало отъ ранъ	332
	500 ¹⁾

Полку, значитъ, предстояло много хлопотъ, чтобы довести все до штатнаго положенія. Въ немъ не доставало болѣе, чѣмъ одного эскадрона (282 стр. и 26 подъем.), а сколько изъ числившихся въ полку лошадей было запаленныхъ, разбитыхъ на поги форсированными маршами! Въ слѣдующемъ году такихъ было выключено 60 лошадей, когда войны уже не было, и это число несомнѣнно досталось по наслѣдству отъ прошлаго.

Въ продолженіи 1795 года Харьковскій полкъ находился все еще въ предѣлахъ Польши и недавно присоединенныхъ отъ нея областей, участвую въ кампіентахъ и стоя на стражѣ русскихъ интересовъ въ только что окончившемъ свое существование королевствѣ, гдѣ ежеминутно могли возникнуть новые беспорядки. Въ теченіи этого года полкъ постоянно перемѣнялъ свои стоянки; новый годъ засталъ его въ с. Головичи, въ марта онъ уже былъ въ г. Ковелѣ, а въ сентябрѣ въ Пружанахъ Гродненской губ. Послѣ этого полкъ получилъ приказаніе слѣдовать на винтеръ-квартиры въ предѣлы Имперіи въ Волынскую губернію, въ м. Ровно, куда въ концѣ сентября и прибылъ, поступивъ подъ начальство Г.Р. Румянцева, состоя въ 3-й дивізіи Деффельдена и въ бригадѣ Г.-М. Бобровскаго¹⁾.

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

помъ строю. Трость эта была обыкновенійшая палка съ костянымъ набалдашникомъ. По словамъ Фридриха, имѣнующаго великимъ, «солдатъ долженъ болѣе бояться палки своего капитала, чѣмъ штыка непріятельскаго».

Во время своей поездки въ Берлинъ, Императоръ Павелъ, тогда еще наследникъ, былъ восхищенъ стройными движениями прусскихъ войскъ, продѣлывавшихъ на учебномъ полѣ разныя замысловатыя построения, не приимѣнныя въ бою. Добиваясь завести тоже и у себя, Императоръ началъ вводить въ армію все и русское—уставы, неудобную форму обмунированія, нарядивъ нашихъ солдатъ въ чулки и лакированные башмаки. Снова введены были длинные волосы, пудра, косы, буки, ленточки и т. п. Сложной уборки волос предписывалось въ свободное время обучать солдатъ, и трости, наказывая неподобство ихъ въ этомъ, находили для себя большое примѣненіе.

Вся армія, кроме гвардіи, въ отношеніи военнаго управления, была раздѣлена на 12 дивизій, получившихъ вскорѣ название инспекцій. Общий характеръ этой организаціи исконечно сходенъ съ современной системой военныхъ округовъ (уничтожены были инспекціи въ 1806 году). Харьковскій полкъ при этомъ раздѣленіи попалъ въ Украинскую инспекцію, и его стоянкою снова назначался Харьковъ. Продолжая свои преобразованія, Императоръ Павелъ уничтожилъ старинныя коренные названія полковъ, съ коими весь давно уже свыкался и съ именами которыхъ было связано многое славныхъ воспоминаній. Огнь повелѣть именоваться имъ, по фамилиямъ шефовъ¹⁾, бывшихъ въ генеральскомъ чинѣ. Это породило страшную путаницу, ибо шефы часто менялись, а съ именами и названіемъ полковъ; при томъ были однофамильцы, а, значитъ, и полки съ одними названіями. Въ теченіи двухъ, напр., лѣтъ въ Харьковскомъ полку смѣнилось четыре шефа, по фамилиямъ коихъ полкъ именовался. Это, вообще, было

Г л а в а XII.

Уставы Императора Павла I и другія нововведения по прусскому образцу.—Шефы, полковые командиры.—Преобразованіе Харьковскаго полка въ кирасирскій.—Штатъ.—Роты, эскадроны.—Ремонтированіе.—Фурражное довольствіе.—Заботы объ офицерахъ.—Наказанія за просрочки офицерами отпуска.—Частые переводы.—Форма одежды Харьковскаго полка.—Штандарты.—Харьковъ—снова стоянка полка.—Шефъ Г.-Л. Мейндорфъ.—Усиреніе крестильнъ.—Походъ въ Москву.—Частая смена шефовъ.—Г.-М. Козеинъ.—Полкъ покидаетъ Харьковъ.—Драгуны.—Новое переформированіе полка.—Форма и снаряженіе драгунъ.

Съ первыхъ же дней воцаренія, Императоръ Павелъ Петровичъ съ лихорадочною поспѣшностью началъ вводить въ армію преобразованія—плоды его долголѣтнихъ занятій со своимъ маленькимъ гатчинскимъ отрядомъ. Чрезъ 23 дня послѣ восшествія на престолъ были уже изданы новые уставы. Ихъ великий Суворовъ называлъ «иѣмороссійскимъ переведомъ», ибо они были, въ дѣйствительности, не болѣе, какъ только перевѣдъ съ прусскаго, при томъ даже плохой перевѣдъ. Уставы эти отличались мелочными подробностями; они, по словамъ самаго Императора, должны были предписывать всѣмъ, начиная отъ фельдмаршала (во время, напр., кампаніи ему и генераламъ было запрещено *ужинать* подъ опасеніемъ вычета изъ жалованія) и кончая рядовымъ все то, что должно имъ дѣлать¹⁾). Новые для русскихъ уставы обращали солдата, «подлаго и неловкаго мужика», въ автомата, «въ обрубокъ дерева». Малѣйшее отступленіе отъ параграфовъ считалось тогда «умищчаніемъ», и для искорененія его всѣ начальствующія лица до унтер-офицеровъ носили «трости», какъ символъ власти, не разставаясь съ ними даже въ кон-

¹⁾ Ивановъ. Русская кавал. ст. 139; Петровъ. Рус. воен. сила, II, 264.

¹⁾ Пол. Соб. Зак. № 18,725.

время быстрыхъ перемѣнъ, возвышеній и превращеній офицеровъ, нерѣдко высокихъ чиномъ, въ рядовые. Солдаты часто неумѣли назвать полка, гдѣ служили, особенно если шефъ носилъ какую либо трудную иѣменскую фамилію; иѣмцы-же тогда наводнили нашу армію. Одинъ солдатъ на вопросъ, какого онъ полка, отвѣтилъ: «не знаю, прежде быть такого-то, а потомъ какому-то иѣмцу данъ полкъ отъ Государя». Однажды Суворовъ, открыто порицавшій всѣ ирussкія введенія, чѣмъ и навлекъ гнѣвъ Императора, спросилъ наряженаго къ нему ординарца название полка.—«Драгунскій Шенеаева», отвѣчалъ офицеръ.—«Я этого не знаю, возразилъ Суворовъ, какъ звался полкъ прежде?»—«Петербургскій».—«А, знаю, знаю!—славный полкъ!»¹⁾.

Шефъ долженъ быть наблюдать за точнымъ исполненіемъ нововведеній и секретно обо всемъ сноситься непосредственно съ самимъ Государемъ. На отвѣтственности шефа лежала вся строевая и хозяйственная части полка. Въ послѣднюю введена была строгая отчетность. Приняты были мѣры отградить всѣхъ отъ произвола и несправедливости начальниковъ и чтобы до чиновъ полка доходило все, полагавшееся отъ казны, а неукладывалось бы въ карманы командировъ, получавшихъ прежде отъ 20 до 25 тысячъ годового дохода. Съ назначеніемъ шефовъ былъ оставленъ и «полковой командръ» въ чинѣ полковника; но онъ былъ не болѣе, какъ ближайший его помощникъ: онъ наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ его распоряженій, осматривалъ, по приказанію шефа, эскадроны и только въ его отсутствіе командовалъ полкомъ. Адютантъ, казначей и квартирмейстеръ за приказаніями относились непосредственно къ шефу, а къ полковому командрю обращались, когда онъ находился въ штабѣ-квартирѣ, но онъ часто отсутствовалъ, командуя вмѣстѣ съ тѣмъ эскадрономъ, стоянкой котораго могло быть и не мѣсто расположения штаба. Значеніе эскадроннаго командаира было усп-

¹⁾ Петровъ. Рус. воен. сила, II, 248.

лено: онъ непосредственно утверждалъ Императоромъ и пмъ только могъ быть смигнѣнъ.

Держась мирной политики, новый Государь сократилъ армію съ 500 тысячъ до 322 $\frac{1}{2}$ ¹⁾, уменьшивъ численный составъ полковъ. Легкоконные полки, твореніе Потемкина, были частью переформированы въ кирасирскіе и гусарскіе, частью совсѣмъ расформированы. Такъ, окончилось свое существование самый старинный полкъ, родственный Харьковскому,—Острогожскій (29 ноября 1796 года). Харьковскій полкъ повелѣно было переформировать въ кирасирскій 5-ти эскадроннаго состава. Численность кирасирскаго полка временъ Екатерины ровнялось 1121 человѣку; это число Императоръ Павелъ спачала уменьшилъ до 1016, потомъ до 869 человѣкъ. Офицеры—37,—за исключениемъ шефа и адютанта, распредѣлялись по ротно: въ штабѣ (старшихъ) ротахъ по 4, а въ пяти младшихъ по 3; всѣхъ въ эскадронѣ—7. Распределеніе офицеровъ шло не по старшинству, а по достоинству; этимъ правиломъ шефы должны были руководствоваться и при назначеніи командировъ частей. Эскадронъ раздѣлялся по прежнему на двѣ роты съ 16 рядами во взводахъ. Роты именоvalись не по номерамъ, а такъ:

- 1) Лейбъ рота шефа полка;
- 2) Рота полкового командря;
- 3) » подполковника такого-то (по фамиліи);
- 4) » 1-го маіора » »
- 5) » 2-го » »
- 6) » 3-го » »
- 7) » 1-го ротмистра » »
- 8) » 2-го » »
- 9) » 3-го » »
- 10) » 4-го » »

Названія эти были непостоянныя и зависѣли отъ бывшихъ на лицо офицеровъ. Такъ, въ 1799 году въ полку было 5 подполковниковъ и одинъ только маіоръ, но чинамъ и фамиліямъ которыхъ роты и назывались: эскадроны изъ ротъ составлялись такъ: лейбъ-рота становилась въ строй съ ро-

¹⁾ Ивановъ. Рус. кав. стр. 147.

тою 3-го маюра (6-я), составляя, такимъ образомъ, эскадронъ—первый по старшинству; рота полковаго командира съ ротою (7) 1-го ротмистра составляла другой эскадронъ и т. д. Въ развернутомъ фронть полка эскадроны размѣщались такъ: съ праваго фланга становился 1-й эскадронъ, съ лѣваго—2-й; правѣе его 4-й и по срединѣ 5-й, а между нимъ и 1-мъ—3-й; значитъ, не по порядку номеромъ, коихъ въ тендереніемъ смыслъ и не было, а 1, 3, 5, 4 и 2-ой. Въ строю старшие эскадронные командиры командовали дивизіонами, съ эскадронами—старшие командиры ротъ. Это построеніе можетъ служить образчикомъ той позиціи путаницы, которая царила въ новыхъ уставахъ¹⁾.

Въ способѣ ремонтированія кавалеріи лошадьми введены были также некоторые измѣненія. Шефъ полка долженъ быть ежегодно командировать одного офицера и 4-хъ унтеръ-офицеровъ для покупки ремонтныхъ лошадей. Назначеніе времени и мѣста, гдѣ какому полку покупать, предоставлялось генераль-инспектору съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы лошади были уже приведены въ полкъ въ октябрь. На покупку кирасирской лошади, ростомъ не ниже $1\frac{1}{2}$ вершка, полагалось 100 р.; деньги ежегодно отпускались въ полки комиссаріатомъ. Лошади должны были приобрѣтаться не моложе 5-ти и не старше 8 лѣтъ, произвольной масти и служить во фронтѣ 6 и болѣе лѣтъ, смотря по крѣпости. Съ мѣста покупки лошади приводились наемными людьми подъ надзоромъ унтеръ-офицеровъ. Всѣ расходы—на фуражъ, ковку, лекарство—покрывались остаткомъ отъ ремонтной цѣны, который отъ покупки кирасирской лошади опредѣлялся рублей въ 20. Остатками этими могъ располагать генераль-инспекторъ и уравнивать ихъ между полками, находившимися въ разныхъ условіяхъ относительно удобства ремонтированія²⁾. Фуражная дача была увеличена: на каждую строевую лошадь полагалось (указъ

30 Мая 1797 года), кромѣ 6 недѣль въ году—съ 15 июня по 1 августа, по 4 гарница овса и по 15 фун. сѣна; послѣ было еще прибавлено $2\frac{1}{2}$ фун. и 16 золотниковъ соломы. Подъемныя же и выочныя лошади довольствовались $2\frac{1}{2}$ /з0 гар. овса и 20 фун. сѣна, кромѣ 8 недѣль въ году¹⁾.

При переформированіи Харьковскаго легкоконнаго полка недоставало 247 лошадей, согласно требованіямъ отъ кирасирской лошади. На приобрѣтеніи ихъ было отпущено 24.700 р. и ежегодная ремонтная сумма—15.000 р. Кромѣ того, въ полкъ было зачислено изъ расформированнаго тогда Украинскаго конно-егерскаго полка 63 лошади, а также 16 унтеръ-офицеровъ и 217 рядовыхъ²⁾.

Императоръ, заботясь объ улучшеніи быта офицеровъ, увеличилъ имъ содержаніе на 15—20%: полковникъ сталъ получать 900 р. вмѣсто прежніхъ 789, маюре 460—426, прaporщикъ 200—172 р. Далѣе онъ пожаловалъ (Указъ 8 июня 1797 года) безвозмездно оберъ-офицерамъ кавалеріи по 1 лошади изъ ремонта; кто-же не пожелалъ такой, тотъ могъ получить полностью ремонтную сумму. Подобную раздачу лошадей повелѣвалось производить и впредь. Каждый офицерь получать изъ ремонта въ полную свою собственность лошадь, срокъ службы которой полагался, что и прочимъ лошадямъ. Но если до истеченія этого срока лошадь изѣдыхала или дѣлалась негодной къ службѣ, то новая приобрѣталась уже за счетъ офицера, исключая убитыхъ или испорченныхъ въ военное время. Императоръ, стараясь оградить офицеровъ отъ произвола командировъ, ввелъ болѣе правильное производство. Рядомъ съ этимъ онъ требовалъ отъ офицеровъ точнаго исполненія служебныхъ обязанностей, и виновные въ томъ подвергались при немъ строгой ответственности. Прежде всего онъ повелѣлъ Военнай Коллегіи (Указъ 2 декабря 1796 года) собрать въ полки всѣхъ офицеровъ, находив-

¹⁾ Воинскій уставъ о пол. кав. сл. гл. II. Пол. Соб. Зак., XXIV, № 17590.

²⁾ Мос. арх. оп. 200, № 42.

¹⁾ Пол. Соб. Зак. т. XXIV, №№ 17962 и 17977.

²⁾ Мос. арх. оп. 200, № 42.

шахся въ прикомандировани къ другимъ частямъ, бывшихъ въ продолжительныхъ отпускахъ, въ командировкахъ, въ кои начальники имѣли обыкновеніе посыпать ихъ по своимъ частнымъ надобностямъ. Всѣмъ этимъ офицерамъ позволялось немедленно возвратиться въ свои части подъ угрозою исключенія изъ службы. Невозвратившися дѣйствительно скоро были исключены; въ Харьковскомъ полку такихъ набралось 19 человѣкъ¹⁾. Приказано было собрать и всѣхъ «растаскаанныхъ» нижнихъ чиновъ—находившихся на работахъ въ имѣніяхъ своихъ командировъ и вообще въ незаконныхъ командинкахъ. Такихъ набралось въ арміи не болѣе и не менѣе, какъ 50 тысячъ! Отпуски, которыми офицеры широко прежде пользовались, теперь были очень ограничены: позволялось увольняться изъ полка не болѣе двухъ сразу, а во время лѣтнихъ занятій, съ 1 апреля по 1 сентября, такие и вовсе были запрещены. Шефъ обѣ офицерахъ, просрочившихъ свои отпуски, долженъ быть рапортовать непосредственно Государю. О нихъ новодому дѣлались цубликаніи «съ барабаннымъ боемъ», ихъ приказано было заключать въ крѣпость на 2 года и послѣ того «выкинуть изъ службы»²⁾. Императоръ Павелъ старался ограничить переводы изъ полка въ полкъ, но они бывали при немъ еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Въ 1797 году изъ Харьковского полка, напр., ушло 66 офицеровъ. Изъ нихъ единовременно подало въ отставку 23, вѣроятно, не желая мириться съ новыми, строгими порядками. Въ этомъ-же году ушло въ отставку еще 6 человѣкъ, перевелось въ другіе полки 5, а за отлучку изъ полка было исключено 19 человѣкъ. Нѣкоторые были «исключены за лѣбность по Высочайшему повелѣнію изъ службы»; исключались за пьянство, напр., Корнетъ Краевичъ; за грубость шефу безъ суда, напр., Поручикъ Хажичъ³⁾. Въ полкахъ было много сверхкомплектныхъ офицеровъ, которые и

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

²⁾ Пол. Соб. Зак. т. XXIV, № 17590, «Воинскій Уставъ», гл. XL.

³⁾ Мѣс. рап. пол.

заполняли эти громадныя убыли. Въ 1797 году, напр., въ февралѣ въ полку было 56 сверхкомплектныхъ офицеровъ разныхъ чиновъ, начиная съ бригадира.

Вмѣстѣ съ приказомъ о переформированіи полка въ кирасирскій повелѣно было отправить въ Петербургъ полковаго квартирмейстера, унтеръ-офицера, трубача и рядового. Всѣ они тамъ были обмундированы въ новую форму, сшабжены всѣми ея принадлежностями и научены процессу одѣванія, убиранія волосъ въ косы и букли. Попытая въ столицѣ форма должна была служить образцомъ для постройки ея въ полку, а командированные чины—передать другимъ постигнутое ими искусство одѣванія.

Новая форма Харьковскихъ кирасиръ выглядала нѣсколько траурною, такъ какъ являла собою сочетаніе цветовъ бѣлого съ чернымъ при серебряномъ приборѣ. Кирасирское обмундированіе и снаряженіе состояло изъ слѣдующихъ частей: колетъ, камзолъ, узкіе лосиновые штаны, тупоносые сапоги съ рас трубами, штибель-монжеты изъ бѣлого рубашечнаго холста, перчатки съ крагами, плащъ, шляпа, фуражная шапка, кителъ, фуфайка; съ чернымъ ременнымъ темлякомъ палашъ, носимый на толстой красной юхты портупеѣ; кожаная ташка съ черной суконной крышкой, обшитой бѣлымъ басономъ, на ней вензель и лавры; кушакъ, кирасть черный обшитый кругомъ красною кожею, подбитый холстомъ на ватѣ; карабингъ (кромѣ унтеръ-офицеровъ), погонная перевязь, лядунка, изъ толстой черной кожи съ мѣдною бляхой, на 30 патроновъ, и 2 пистолета въ кобурахъ.

Колетъ сначала полагался изъ палевой, а поздѣе (февраль 1797 года) изъ бѣлой киразы, а въ случаѣ недостатка ея, изъ бѣлого сукна съ отложнымъ чернымъ суконнымъ воротникомъ, съ разрѣзными черными обшлагами и съ двумя черными погонами. По краямъ борта до пояса и по краямъ фалдъ нашивался шерстяной черный басонъ ($\frac{3}{4}$ вершка шириною). У офицеровъ колетъ былъ тѣхъ-же цветовъ, что и

у нижнихъ чиновъ, только воротники, обшлага и подкладка на фалдахъ полагались изъ черного бархата. Колеть унтеръ-офицеровъ и вахмистровъ отличался отъ рядовыхъ серебрянымъ галуномъ на воротникѣ и обшлагахъ.

Камзоль дѣлался изъ черного сукна по образцу пѣхотнаго съ крючками вмѣсто пуговицъ; у офицеровъ онъ былъ только обшить по краямъ серебрянымъ галуномъ. Треугольная шляпа—съ оранжевымъ султанчикомъ, въ 4 вершка вышиною съ острыми углами, съ кокардою изъ черного гаруснаго шнурка съ кистями (у офицеровъ изъ серебряныхъ нитокъ и черного шелку). Планѣтъ узкимъ стоячимъ воротникомъ черного цвѣта вначалѣ дѣлался изъ зеленаго сукна, потомъ изъ бѣлого; позднѣе онъ былъ замѣненъ шнелью темно-зеленаго цвѣта.

Кромѣ всего этого, у офицеровъ былъ еще суконный бѣлый вицъ-мундиръ, носимый въ службы. Дѣлался онъ съ отложнымъ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, такими же лацканами и разрѣзными обшлагами, съ завороченными фалдами, подбитыми палевымъ стамедомъ (Императоръ старался оформить до мельчайшихъ подробностей все: этотъ самый стамедь, которымъ былъ подшитъ вицъ-мундиръ, уставъ предписывалъ замѣнить зимою байкою, «но не имѣть для сего двухъ» [вицъ-мундировъ]), съ аксельбантомъ и пуговицамъ. При вицъ-мундирѣ носился суконный палевый камзоль съ плоскими пуговицами, суконные бѣлые штаны и шпага. Весь этотъ костюмъ довершали напудренные волосы, болтавшаяся на затылкѣ коса, туго перевитая проволокою и переплетенная черною лентою, а около ушей—насыщенные букли.

Прежнее венгерское сѣло было замѣнено нѣмецкимъ изъ черной кожи; на него надѣвался черный суконный чапракъ, обшитый бѣлымъ басономъ съ черными полосками (у офицеровъ—галуномъ) съ венеземъ и лаврами ¹⁾.

¹⁾ Висковатовъ. Ист. оп. одеж. т. VIII.

11 февр. 1798 года при Высочайшей грамотѣ Харьковскому полку (мы называемъ полкъ его старымъ именемъ) было пожаловано 5 штандартовъ, по числу эскадроновъ. Штандарты эти были четырехугольные, 12 вершковъ въ длину и 10 вершковъ въ ширину по древку. На полотнѣ, ближе къ нижнему углу и къ древку, находилось изображеніе бѣлого парящаго орла, смотрящаго на золотой въ сияніи крестъ (въ противоположномъ углу, по диагональ), долженствовавший изображать собою символъ побѣды, видимый Константиномъ Великимъ во снѣ. Эти два изображенія находились въ рамкѣ, углами которой были золотые вензеля Императора, а сторонами—лавровыя вѣтви. Полотно было обшито бахромою. Древко зеленаго цвѣта съ золотыми полосками; на немъ вызолоченное копье съ двуглавымъ орломъ внутри. Шнуръ и кисти серебряные съ перемѣшанными черными и оранжевыми шелковыми нитками. Въ шефской эскадронѣ штандартъ былъ пожалованъ бѣлого цвѣта съ розовыми углами; прочие—розовые съ плюсовыми углами, съ серебрянымъ шитьемъ и бахромою ¹⁾.

Вследствіе назначенія Харьковскаго легкоконнаго полка въ составъ Украинской дивизіи, онъ покинулъ городъ Ровно и направился въ Харьковъ, который снова дѣлался «его стоянкою». По дорогѣ полкъ застрялъ въ г. Тулчинѣ (Волынской губ.), где отбылъ кампаментъ и оставался до конца 1797 года. Здѣсь онъ узналъ о послѣдовавшемъ приказѣ переформировать его въ кирасирскій. Полкомъ все еще командовалъ Боуръ, но скоро послѣдовало повелѣніе всѣмъ бригадирамъ временно сдать полки полковникамъ, состоявшимъ сверхъ комплекта ²⁾). Таковыемъ явился въ Харьковскомъ полку Фризъ. Но Боуръ продолжалъ командовать и обращался рапортами къ начальству, спрашивая, кому именно онъ долженъ быть сдать полкъ «формальнымъ порядкомъ», такъ какъ онъ ни-

¹⁾ Ibidem, т. IX.

²⁾ Указъ Воен. Кол. 10 декабря 1796 г.

какого приказа о томъ не получалъ¹⁾ и о повелѣніи Императора не зналъ. Шефомъ-же Харьковскаго полка въ началѣ 1797 года бывъ назначенъ Г.-Л. Казимиръ Ивановичъ баронъ Мейндорфъ (изъ лифляндскихъ дворянъ), исполнявшій тогда должность рижскаго губернатора. Получивъ повелѣніе сдать должность и немедленно отправиться принять Харьковскій полкъ, Мейндорфъ, находясь въполномъ невѣдѣніи, где онъ былъ расположенъ, обращался къ начальству, прося вывести его изъ затруднительного положенія. Мейндорфъ долго не пріѣзжалъ въ полкъ, имъ почти не командовалъ, такъ какъ вскорѣ былъ уволенъ по болѣзни на годъ заграницу²⁾.

Между тѣмъ, Полковникъ Фризъ, временно принявшій командине, получилъ повелѣніе слѣдовать съ полкомъ въ Харьковъ. Выступивъ 6 февраля, онъ слѣдовалъ, согласно маршруту, изъ Тулучина на Полонное, Бердичевъ, Каневъ. Всего полку предстояло пройти 820 верстъ въ неблагопріятное время года, вслѣдствіе начинавшейся весны. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, сколько времени употребилъ полкъ, чтобы пройти это значительное разстояніе. Съ приходомъ въ г. Харьковъ началось собственно превращеніе Харьковцевъ въ кирасиры. Это продолжалось долго. Даже тѣ чины, которые давно уже были посланы въ Петербургъ, вернулись обратно и привезли образцы обмундированія и снаряженія лишь только въ сентябрѣ 1797 года³⁾. Пока все новое шилось, прошло очень много времени, и полкъ, нося название кирасирскаго и состоя уже въ положеннемъ штатномъ составѣ продолжалъ носить форму легкоконныхъ полковъ.

Въ Харьковѣ, въ началѣ царствованія Императора Павла, были расположены на квартирахъ, кромѣ Харьковскаго, еще два кавалерійскихъ полка. Для размѣщенія ихъ въ городѣ была учреждена особая контора; она была обязана на город-

¹⁾ Мос. арх. оп. 200, св. 46.

²⁾ Формул. его списокъ.

³⁾ Мос. арх. оп. 200 № 42.

скія средства¹⁾ построить каменные казармы для нижнихъ чиновъ, а шефамъ и командирамъ полковъ отдать частные дома. Харьковъ въ то время былъ очень небольшимъ городкомъ, и этотъ не малый расходъ былъ очень для него чувствителенъ. Внѣшній видъ богоспасаемаго города, населенного добродушными хохлами, утратившими уже свои прежнія боевые наклонности и нынѣ только завзятыми винокурами и гречкоѣдьями, въ то время совершенно преобразился и потерялъ свой мирный видъ. Всюду по окраинамъ города появились шлагбаумы, заставы, оберегавши его отъ вторженія какого-то врага; понастроены ордонансгаузы (комендантскія управліенія), кордегардіи, караульныя помѣщенія въ казематированныхъ постройкахъ у воротъ потерявшихъ давно уже свой грозный видъ Харьковской крѣпости; всюду были разставлены часовые и будки для нихъ. Такого воинственного вида Харьковъ не представлялъ даже въ тѣ времена, когда черкасы, запервшись въ стѣнахъ крѣпости, ежеминутно ожидали нападенія рускавшихъ по окрестностямъ татаръ.

До постройки казармъ, войска размѣстились по окраинамъ города и въ пригородныхъ слободахъ. Одну изъ нихъ «Гончарівку» увѣковѣчили своею комедіею Котляревскій.

Вскорѣ по приходѣ на свою старинную стоянку, Харьковцы посланы были (6 сентября) усмирять взбунтовавшихся крестьянъ помѣщика Шемякина. Съ самаго начала царствованія Императора Павла, начались въ разныхъ мѣстахъ государства движения: волновались крестьяне казенные, волновались принадлежавшіе помѣщикамъ. Причиною того были бродившіе слухи, будто Императоръ освободилъ уже крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но что власти, повторствуя помѣщикамъ, скрыли отъ нихъ это повелѣніе. Государь-же былъ совсѣмъ другого взгляда на этотъ вопросъ и въ помѣщикахъ видѣлъ залогъ тишины и спокойствія въ государствѣ, считая ихъ лучшую земскою полиціею²⁾. Въ волненіяхъ этихъ онъ усматривалъ

¹⁾ Устиновъ. Хар. въ началѣ нынѣш. ст.

²⁾ Рус. арх. 1869 г., ст. 526.

бунты и заговоры и приказывал усмирять ихъ, не останавливаясь даже предъ чрезвычайными средствами. Одинъ изъ подобныхъ бунтов случился въ Новохоперскомъ уѣздѣ (Астраханской губ., теперь Воронежской) въ с. Красненькомъ, принадлежавшемъ помѣщику Шемякину. Вотъ для усмиренія этого-то бунта и вызванъ былъ Харьковскій полкъ, послѣшившій изъ Харькова фбрсированнымъ маршемъ. На этой экзекуціи полкъ пробылъ двѣ недѣли; лѣса порѣдили, и крестьяне приведены въ повиновеніе Шемякину. Въ октябрѣ полкъ возвратился обратно въ Харьковъ¹⁾.

Въ слѣдующемъ году, въ маѣ полкъ выступилъ въ Москву на «ревю»—смотръ войскамъ, который дѣлалъ Императоръ Павелъ. По повелѣнію Государя (Высоч. прик. 19 июня) изъ Харьковскаго полка было исключено 7 офицеровъ, между коими былъ даже одинъ полковникъ (Акличевъ) за то, что 6 июня не были, сказавшись больными, на этомъ «ревю» (revue)²⁾. Въ Москвѣ полкъ оставался не долго и тотчасъ же, по окончаніи всего, ушелъ обратно въ Харьковъ и 1 июля былъ уже на мѣстѣ.

Въ теченіи короткаго времени шефъ смѣнялся за шефомъ, и полкъ, утратившій свое коренное название, кое онъ носилъ почти 150 лѣтъ, мѣнялъ также свои названія. Мейндорфа смѣнилъ (января 1798 года) Г.-Л. Паупертъ. Этотъ Паупертъ началъ свою карьеру во французской арміи, потомъ поступилъ на службу въ Польшу и, обратясь въ польского шляхтича, пріобрѣлъ себѣ тамъ имѣнія. Изъ польской Паупертъ перекочевалъ въ австрійскую армію; а въ 1793 году этотъ горячій патріотъ перешелъ, наконецъ, въ русскую службу по присоединенію къ нашей Имперіи польскихъ областей, где были его имѣнія. Полкъ онъ командовалъ, жилъ въ Харьковѣ и, видимо, былъ человѣкъ строгий въ обращеніи со своими подчиненными. Командованіе, впрочемъ, его было непро-

¹⁾ Полковой формуляръ.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

должительное—въ томъ-же году онъ навлекъ на себя гневъ Государя и былъ уволенъ въ отставку, послѣ чего, вѣроятно, снова началъ странствованіе по европейскимъ арміямъ. Назначенный послѣ него шефъ Г.-М. Заплатинъ числился только 20 дней; полка, конечно, онъ и не видѣлъ, но имя своеувѣчилъ, такъ какъ название «Кирасирскій Генераль-Маиора Заплатина полкъ» пошло въ официальную «Хронику Российской Императорской арміи». Въ полкъ не былъ присланъ его формуллярный списокъ, почему и неизвестно, кто былъ этотъ Заплатинъ.

Слѣдующій шефъ, давшій также свое имя полку, кн. Ромодановскій-Ладыженскій, прокомандовалъ полкомъ только 2 мѣсяца и былъ переведенъ шефомъ Малороссійскаго кирасирскаго полка. Послѣ этихъ мимолетныхъ шефовъ былъ назначенъ Г.-М. Александръ Рыцаревичъ Козенскъ, онъ задержался на долго. Происходилъ Козенскъ изъ англійскаго дворянства; его дѣдъ еще при Петре Великомъ, принявъ русское подданство и приписанный къ обществу петербургскихъ дворянъ, служилъ во флотѣ. Александръ Рыцаревичъ вступиль въ службу въ 1778 году въ кирасирскій полкъ Наслѣдника; полковникомъ (1797 года) служилъ въ Украинскомъ легкоконномъ, а по его расформированіи, въ Черниговскомъ кирасирскомъ. Онъ участвовалъ въ двухъ войнахъ—Шведской (1788) и Польской (1792—1794)¹⁾. Новый шефъ былъ очень дѣятельный и ревностный къ службѣ. Ему пришлось много поработать, чтобы привести въ порядокъ вилы разстроеннюю хозяйственную часть и одѣть полкъ болѣе или менѣе прилично, такъ какъ по своему наружному виду онъ продолжалъ быть на половину кирасирскимъ, на половину легкоконнымъ. Харьковцы очень отстали отъ другихъ въ строевомъ образованіи. Новые уставы были для нихъ почти неизвестны—часто смѣнявшіеся шефы полкомъ вовсе не занимались. Эскадронные командиры, пользуясь этимъ, преслѣдовали только одну цѣль—при возможно меньшей дачѣ фу-

¹⁾ Его форм. списокъ.

раже, имѣть въ своихъ эскадронахъ лошадей въ приличномъ тѣлѣ на случай смотровъ, что, конечно, шло въ ущербъ обученію кирасиръ верховой Ѣзды. Объ этихъ беспорядкахъ, происходившихъ въ полку, Императору было известно, и съ цѣлью исправленія онъ назначилъ шефомъ Козенса. Государь относился къ нему очень благосклонно и съ большими довѣріемъ, о чёмъ свидѣтельствуютъ рескрипты на его имя. Въ 1799 году Павелъ Петровичъ прислалъ лично ему повелѣніе: «когда получите слѣдующий Вамъ ремонтъ, то изъ числа онаго раздайте (лошадей) оберъ-офицерамъ полка имени Вашего, у которыхъ изъ нихъ нѣтъ строевыхъ лошадей». Государь въ награду ревностной службы пожаловалъ Козенса «Командоромъ державнаго ордена Св. Иоанна Іерусалимскаго» за «довѣденіе полка въ должное состояніе».

Въ началѣ 1799 года полкъ покинулъ Харьковъ и больше уже въ него не возвращался—онъ былъ переведенъ на контори-квартиры въ м. Черный Островъ Подольской губ. Прокуровскаго уѣзда и былъ назначенъ въ армію Гр. Гудовича, въ корпусъ Г. Михельсона. Въ этой новой стоянкѣ Харьковцевъ застало XIX столѣтіе, начавшееся для нихъ новымъ походомъ—въ январѣ они ушли въ с. Алтуши (около гор. Брестъ-Литовска), войдя въ составъ Брестской инспекціи Г.-М. Цорна, въ арміи Г. Голенищева-Кутузова.

Выступивъ изъ Чернаго Острова 15 января, полкъ пришелъ въ Алтуши 12 Февраля, пройдя разстояніе въ 256 верстъ въ 29 дней. Изъ маршрута можно видѣть, что походы тогда совершались медленно—на 19 дней марша было 10 дневокъ! Въ первый день похода полкъ прошелъ только 7 верстъ (**«1 милю»**), во второй 14 верстъ, за которымъ послѣдовала дневка; совершивъ (1 февраля) переходъ въ 2 мили, а на другой день въ 4,—полкъ за то отдохнулъ два дня подъ рядъ. Алтуши (Олтуши) очень небольшое селеніе—въ немъ могъ только размѣститься штабъ и лейбъ-рота, весь-же полкъ расположился по окрестнымъ небольшимъ деревнямъ, занявъ

для того 9 деревень. Въ этомъ мѣстѣ полкъ оставался по 15 августа 1801 года.

На основаніи новаго расписанія квартиръ, Харьковскій кирасирскій полкъ, по повелѣніи Царевича Константина Павловича, выступилъ изъ Алтуши и отправился на новую стоянку—г. Луцкъ, совершая походъ крайне медленно. На маршѣ въ м. Соколя (26 августа) получено было извѣстіе отъ инспектора Г.-Л. Боура о Высочайшемъ повелѣніи (отъ 13 июля 1801 г.) о переформированіи полка, въ числѣ 7-ми кирасирскихъ, въ драгунскій съ названіемъ «Харьковскій Драгунскій полкъ». Коренное название «Харьковскій» ¹⁾, возвращено было, впрочемъ, полку нѣсколько раньше, вскорѣ по вступлении на престолъ Императора Александра I.

Название «драгуны» въ европейскихъ арміяхъ впервые появляется въ XVI столѣтіи, когда маршалъ Брисакъ сажалъ отряды отборной своей пѣхоты на лошадей для быстрыхъ набѣговъ, называя ихъ этимъ именемъ. Но французскій маршалъ не былъ первымъ въ этомъ дѣлѣ: еще въ глубокой древности, въ войскахъ Александра Македонскаго были «димаки», пѣхота, совершившая переходы на лошадяхъ. До Густава-Адольфа на драгунъ смотрѣли, какъ на Ѣздающую пѣхоту, и только въ его арміи они получили назначеніе сражаться преимущественно верхомъ, спѣшиваясь только въ крайнихъ случаяхъ. Въ Россіи драгуны стали появляться со временеми Михаила Феодоровича и состояли по большей части изъ иноземцевъ, но въ нихъ записывали также дѣтей боярскихъ и охочихъ людей. Вооруженіе ихъ состояло изъ мушкета, шпаги, бердыши и короткой пики. Но это войско не было постоянно, оно по окончаніи войны распускалось по домамъ. Только при Петре Великомъ появились у насъ регулярные драгунскіе полки. Петръ говорилъ о драгунахъ, какъ о родѣ оружія, способномъ дѣйствовать и «жестокимъ ударомъ

¹⁾ Пол. Соб. Зак. т. XXVI, № 19809.

чрезъ сильную скачку» и въ пѣшемъ строю, когда мѣстность неблагопріятствуетъ сражаться на конѣ. Потемкинъ считалъ драгунъ, не смотря на свое пристрастіе къ легкоконнымъ полкамъ, «полезнѣйшими и самонужнѣйшими въ государствѣ, такъ что истина сего не требуетъ доказательствъ». «Сугубое, смотря по обстоятельствамъ, говорить онъ, можно изъ нихъ сдѣлать употребленіе, не заимствуя въ помощь и въ подкѣпленіе ихъ ни пѣхоты, ниже тяжелой конницы»¹⁾. Подобный-же взглядъ на драгунъ появился и въ началѣ царствованія Александра I, выразившійся въ переформированіи полковъ тяжелой конницы въ драгунскіе и въ формированіи новыхъ, для чего брались эскадроны изъ дѣйствующихъ полковъ. Штатъ драгунскихъ полковъ до 1812 года перемѣнялся несолько разъ, что видно изъ прилагаемой хроники полка. Полки драгунскіе, какъ и кирасирскіе, были въ числѣ 5 эскадроновъ, кои носили названія по фамиліямъ своихъ командировъ. Если-же таковыхъ временно не бывало, то—«вакантный». Переформированіе полка произошло въ Луцкѣ.

Обмундированіе и снаряженіе драгунъ состояло: изъ мундира, панталонъ и рейтузъ, сапогъ, фуражной шапки свѣтло-зеленаго сукна съ оранжевымъ околышкомъ, кителя, шинели, фуфайки (или полуушубка изъ овчины), треугольной шляпы съ султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ и перчатокъ; сабли съ темлякомъ, мушкета въ мѣдной оправѣ со штыкомъ, лядунки съ перевязью и, въ конномъ строю, пары пистолетовъ.

Драгунскій двубортный мундиръ вначалѣ дѣлался изъ свѣтло-зеленаго сукна, позднѣе изъ темно-зеленаго, длиною фалдъ въ 7 вершковъ. Полки отличались между собою цвѣтомъ доклада. Въ Харьковскомъ полку воротникъ, обшлага, погонъ съ красными выпушками, носимый на лѣвомъ плечѣ, были оранжеваго цвѣта; весь металлический приборъ мѣдный.

¹⁾ Леберь Энцикл. стр. 98; Масловскій. Стор. развѣд. с. ст. 154; Гудимъ-Левковичъ «Ист. очер. развѣд. воор. силъ въ Рос.».

Офицерскій мундиръ былъ такой-же, какъ и у нижнихъ чиновъ, но на красной стамедовой подкладкѣ. Вместо галстуха офицеры носили черный шелковый платокъ, завязанный на зади. Позднѣе былъ введенъ сюртукъ (1806 года) темно-зеленаго сукна съ обшлагами и воротникомъ, какъ на мундирѣ. Одни панталоны были изъ бѣлаго сукна (у офицеровъ лосиновые во фронтѣ, суконные въ его), другіе изъ сѣраго съ подшитою кожею, назывались они рейтузами и носились во время похода. Сапоги тупоносые, смазные съ прибывными желѣзными шпорами.

Сѣдло покрывалось суконнымъ вальтрапомъ по цвѣту мундира съ оранжевою выкладкою и выпушкою, вензелемъ и короною. Лошади драгунскія были произвольной масти, ростомъ не выше 2, не ниже 1 вершка, ремонтная цѣна ея—50 руб. безъ провода. Трость, какъ эмблема власти, была также принадлежностью драгунскихъ вахмистровъ и юнкер-офицеровъ (отмѣнена она была въ 1807 году). Въ началѣ царствованія Императора Александра I нижнихъ чиновъ продолжали терзать пудра, буки и косы, длиною въ 4 вершка, перевязанныя ленточкой. Это, къ счастью, продолжалось только до 1807 года, когда солдатъ, наконецъ, отстрѣли подъ гребенку, предоставивъ генераламъ и офицерамъ право носить волосы по ихъ усмотрѣнію. Въ началѣ 1812 года въ драгунскихъ полкахъ отмѣнены были літавры, а также и ружья. Изъ огнестрѣльного оружія у драгунъ оставлены были только пистолеты, кромѣ фланкеровъ, получившихъ штуцера. Пере-мѣнены были въ драгунскихъ полкахъ и штандарты. Одинъ изъ нихъ полагался бѣлаго цвѣта, а остальные зеленаго. Бѣлый дѣлался съ зелеными, а зеленый съ бѣлыми углами, въ видѣ овальныхъ щитовъ; между ними помѣщался вензель подъ короною, а по бокамъ лавровыя вѣтви. По среди по-лотна—двуглавый орелъ съ однимъ поднятымъ и другимъ отпущенными крыломъ; въ верхнемъ углу, противъ поднятаго крыла, сияніе. Шитье—золотое. Штандарты, какъ,

и всѣ части обмундированія и снаряженія, въ то время мѣнялись очень часто ¹⁾.

Полку, при выступлениі въ городъ, приходилось обыкновенно оставлять на квартирахъ нижнихъ чиновъ изъ фронта для присмотра за имуществомъ, трудно болѣыми и для охраны семействъ воинскихъ чиновъ, что очень ослабляло силы полка.

Для устраненія этого въ 1805 году положено было сформировать при драгунскихъ полкахъ запасные полуэскадроны (4 офицера, 89 нижнихъ чиновъ) ²⁾, по проекту Цесаревича Константина Павловича. По уходѣ полка, этотъ полуэскадронъ оставался на мѣстѣ, принималъ въ свое вѣдѣніе все оставшееся. Кромѣ того, всѣ командировки, какія приходилось нести полку, за приводомъ ремонта, рекрутъ и пр. полагалось дѣлать изъ запаснаго полуэскадрона, чтобы не отрывать нижнихъ чиновъ полка отъ строевыхъ занятій. На обязанности полуэскадрона, во время отсутствія полка, лежало обученіе рекрутъ и выѣзда ремонтиныхъ лошадей. Запасный этотъ полуэскадронъ, впрочемъ, просуществовалъ не долго — въ 1810 году онъ былъ упраздненъ и штатъ полка свелся къ числу 1018 человѣкъ всѣхъ чиновъ и 927 строевыхъ лошадей ³⁾.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

¹⁾ Висковатовъ. Ист. опис... т. XVII и XXI.

²⁾ Мос. арх. оп. 160, № 1.

³⁾ Хрон. Рос. Ин. арм.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава XIII.

Пожары въ г. Луцкѣ.—Слухи о близости войны.—Приготовленія къ ней.—Тревожное состояніе въ ожиданіи похода.—Новый шефъ Г.-М. Гижицкій.—Начало войны.—Движеніе Кутузова.—Выступленіе полка въ походъ.—Соединеніе Кутузова съ Буксгевденомъ.—Отступленіе къ Ольмюцу.—Численное состояніе полка.—Диспозиція къ Аустерлицкому сраженію.—Расположеніе отряда Уварова.—Столкновеніе съ французской кавалеріею.—Отступленіе Багратиона.—Потери полка.—Поручикъ Шимковъ.—Отличившіеся въ сраженіи 20 Ноября.—Обратный походъ въ Россію.

Луцкъ (на рр. Стеръ и Глущъ), гдѣ полкъ простоялъ до открытия первой кампаниіи съ французами, былъ иѣко-гда на Волыни самый богатый городъ, по очереди принадле-жившій Литвѣ, Польшѣ и русскимъ князьямъ. Цѣлый рядъ пожаровъ (главные 1781 и 1793 годовъ) истребилъ въ этомъ обширнѣйшемъ городѣ всѣ лучшія, старинныя постройки. Не успѣлъ Луцкъ еще вполнѣ обстроиться, какъ, не задолго до прихода сюда Харьковцевъ, новый пожаръ (1800 году) уни-чтожилъ все. Полкъ засталъ городъ въ пепелищѣ, и только грандиозныя руины замковъ и костеловъ свидѣтельствовали о его быломъ величиї. На томъ испытанія города не кончи-лись—уже во время пребыванія полка (1803 годъ) послѣдній пожаръ обратилъ городъ окончательно въ груды пепла, и Луцкъ съ того времени заглохъ совершенно. Въ пожарѣ сгорѣло почти все полковое имущество и, что особенно грустно для лѣтописца полка, сгорѣли всѣ письменныя дѣла. По 1794 годъ онѣ погибли во время революціи въ Варшавѣ, по 1803 здѣсь, въ огнѣ¹⁾), а этотъ періодъ во всѣхъ отноше-ніяхъ очень интересный, такъ какъ обнимаетъ собою поль-

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

скую инсургционную войну съ битвою подъ Мациевицами и пѣномъ Косцюшки, заключаетъ въ себѣ реформы Императора Павла и т. п.

Тревожные слухи о возможности и близости новой войны начали ходить еще съ 1803 года, особенно же когда Цесаревич Константинъ Павловичъ получилъ секретнѣйший и собственноручный указъ Государя, повелѣвавшій полкамъ Лейбъ-Кирасирскому и Харьковскому быть въ полной готовности, чтобы ихъ эскадроны, по первому требованію, могли-бы въ 24 часа выступить изъ своихъ квартиръ въ военный походъ¹⁾. Приготовивъ все необходимое, полкъ, чутъ что не поѣданный, ждалъ приказа выступать съ минуты на минуту. Въ этомъ напряженномъ состояніи Харьковцы пробыли долго. Но шли дни, недѣли, проходили даже мѣсяцы, а полкъ оставался на мѣстѣ, никакихъ распоряженій не приходило; все понемногу успокоилось, и полковая жизнь пошла своей обычной колеєю. Въ мартѣ слѣдующаго года уже всѣ шефы полковъ получили подобное-же тревожное повелѣніе отъ Цесаревича. Снова началась лихорадочная дѣятельность въ полкахъ, и снова все затихло. Спустя нѣкоторое время, послѣдовало новое предписаніе изъ инспекціи шефу полка Г.-М. Козенсу приготовить все къ походу, но вести эти приготовленія въ «наигубочайшемъ секрѣтѣ»²⁾. Въ такомъ вотъ тревожномъ состояніишло время, всѣ находились въ постоянномъ ожиданіи похода.

Въ это-же время (1804 годъ) былъ назначенъ новый шефъ полка Г.-М. Гижицкій (2-й), смѣнившій собою Козенса, уволенного отъ службы по прошенію. Варфоломей Каэтановичъ Гижицкій, сынъ сенатора, происходилъ изъ хорошей польской фамиліи, получилъ прекрасное образованіе, владѣлъ въ совершенствѣ иностранными языками, зналъ математику и инженерныя науки. Въ русскую службу онъ вступилъ подполковникомъ до раздѣла еще Польши (въ 1791 годѣ) и, на-

¹⁾ Мос. арх. оп. 160, св. № 1.

²⁾ Ibidem.

значенный полковымъ командиромъ въ гусарскій Бура (Павлоградскій) полкъ, былъ командированъ въ Грузію¹⁾ для вывода оттуда этого полка сначала на кавказскую линію, а послѣ въ Россію. У Императора Павла Гижицкій былъ въ большомъ фаворѣ: послѣ производства въ генералы, на 24 году жизни (1798 годъ), не бывъ даже шефомъ полка, онъ былъ посланъ по Высочайшему повелѣнію (1799 годъ) инспектировать кавалерійскіе полки; послѣ этого командовалъ бригадою, но вскорѣ навлекъ на себя чѣмъ-то гнѣвъ Государя и былъ отставленъ отъ службы. Императоръ Александръ I принялъ въ 1804 году Гижицкаго снова и назначилъ шефомъ Харьковскаго полка.

Между тѣмъ, носившіеся упорные слухи о войнѣ съ французами начали оправдываться. Близость войны выяснялась все болѣе, и она скоро, дѣйствительно, возгорѣлась съ Наполеономъ, слава и могущество котораго непомѣрно росли со дня на день. Встревоженные успѣхами новаго императора, Россія, Австрія и Англія заключили между собою грѣзный, повидимому, договоръ. Две первыя державы должны были выслать противъ Наполеона свои арміи, послѣдняя—помогать имъ своимъ золотомъ. Корпусъ русскихъ войскъ (50 тысячъ) подъ начальствомъ Кутузова былъ двинутъ на соединеніе съ австрійскою арміею Эрцгерцога Фердинанда, которую, въ сущности, командовалъ Г. Маккъ. Соединиться Кутузову не пришлось: Наполеонъ, быстро перенесшій съ береговъ Ламанша, неожиданно налетѣлъ на австрійцевъ подъ Ульмомъ, и только немногимъ съ Эрцгерцогомъ удалось спастись. Маккъ-же со всею арміею сдался на капитуляцію. Это поставило Кутузова, бывшаго уже недалеко, въ критическое положеніе. Подъ напоромъ превосходныхъ въ числѣ силъ Наполеона совершилъ онъ свое знаменитое отступленіе, покрывшее славою его и героя—Багратиона.

¹⁾ Его формул. списокъ.

На встречу отступавшему Кутузову изъ Россіи шелъ корпусъ (50 тысячъ) Г. гр. Буксгевдена, въ число войскъ котораго былъ назначенъ и Харьковскій полкъ. Получивъ 5-го августа ¹⁾, по счету четвертое, предписаніе быть готовыми къ походу, Харьковцы тронулись, наконецъ, съ мѣста только чрезъ мѣсяцъ, 3 сентября, съ 1-ю колонною войскъ къ Дубенкѣ, гдѣ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, участвовали въ пораженіи Еосцишки. Походъ совершился крайне медленно—33 мили, напр., пройдено было въ 19 дней (5 дневокъ), а одинъ день походъ былъ совсѣмъ отмѣненъ «по случаю ненастной погоды»; съ 17-го же по 23-е колонна стояла на мѣстѣ.

7-го ноября послѣдовало соединеніе Кутузова съ первою колонною Буксгевдена у Вишнѣ, гдѣ войска и расположились лагеремъ. Въ тотъ день два эскадрона Харьковскаго полка подъ начальствомъ Подполковника Юзефовича, опытнаго и храбраго офицера, и Капитана Воеводскаго были отправлены къ г. Брюнну на подкрѣпленіе арріергарда отступавшихъ войскъ, задерживавшаго насѣдавшихъ французовъ. Три эскадрона полка 8 ноября ночью снова были двинуты въ число войскъ Багратиона къ Проствицу, гдѣ и пробыли 9-е число. Наши войска, соединившись, продолжали отступленіе къ Ольмюцу, гдѣ и остановились. Французы находились у Брюнна. Въ Ольмюцѣ Императоръ Александръ въ присутствіи Императора Франца сдѣлалъ всѣмъ войскамъ смотръ. Харьковскій полкъ въ то время считалъ въ рядахъ своихъ 791 человѣкъ всѣхъ чиновъ (запасный полуэскадронъ остался въ Луцкѣ), по штату того времени въ полку недоставало человѣкъ около 100. По новому расписанію, составленному Главнокомандующимъ Кутузовымъ, полкъ былъ назначенъ въ дивизію Г.-Л. Уварова ²⁾.

Союзники рѣшили наступать и дать Наполеону генеральное сраженіе. Отъ Ольмнца армія, покинувъ хорошую дорогу,

¹⁾ Мос. арх. оп. 160, св. 1.

²⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1556, 1548, 1551.

ведущую на Брюннъ, свернула вълево и по дурнымъ проселочнымъ, крайне медленно (7—12 верстъ переходъ) пошла къ Аустерлицу (по славянски Славковъ,—небольшой городъ въ Моравіи на р. Литавѣ), намѣреваясь обойти правый флангъ французовъ. 19 ноября армія, снявшись съ мѣста своего расположенія, въ полдень, пройдя Аустерлицъ, заняла позицію. Въ этотъ день все было спокойно, лишь слабая перестрѣлка шла въ передовой цѣпи. Французы какъ бы не рѣшились оказать сопротивленія и отступали по всей линіи. Этимъ Наполеонъ вселилъ въ союзниковъ увѣренность въ побѣдѣ. Видя отступленіе непріятеля, монархи стали даже опасаться, какъ бы Наполеонъ не ускользнулъ изъ рукъ ихъ. Даже огромные бивачные костры, пылавшіе у непріятеля въ ночь предъ сраженіемъ, сочли за военную хитрость. Но эта была не хитрость, это солдаты радостно встрѣчали съ зажженными пучками соломы въ рукахъ своего Императора, объѣзжающаго войска; къ тому-же это былъ канунъ годовщины его коронаціи. Наполеонъ написалъ пламенный приказъ по арміи, проникнутый тоже увѣренностью въ побѣду, называвшій союзниковъ «наемниками Англіи» и обѣщавшій окончить войну предстоящею побѣдою. Свѣтло и радостно было на бивакѣ французовъ, въ станѣ-же нашесть все было мрачно и тихо. Австрійскій генералъ Вейротеръ, почитавшій себя великимъ стратегомъ и пользавшійся большимъ довѣріемъ у союзныхъ монарховъ, составилъ «Диспозицію къ атакѣ непріятельской позиціи позади Кобельница и Сокольница». Произведеніе это, предназначавшееся для русской арміи, было запутано, полно мельчайшихъ подробностей, трудно понимаемо и написано при томъ на нѣмецкомъ языке. Русскимъ генераламъ оно очень не понравилась—они видѣли ясно его недостатки; Багратіонъ-же прямо предсказалъ пораженіе. Увѣренный въ себѣ и упрямый Вейротеръ не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій. Предсказывая побѣду, говорилъ, что во время прошлого дни маневровъ онъ хорошо изучилъ мѣстность, гдѣ должно было

произойти сражение, на что ядовито замѣтилъ его помощникъ гр. Бубна: «не надѣяйте только такихъ же ошибокъ, какъ на прошлогоднихъ маневрахъ».

По диспозиціи армія должна была вести наступленіе пятью колоннами. На правомъ флангѣ нашего расположенія поставленъ былъ кн. Багратіонъ съ приказаніемъ удержать, во чтобы то ни стало, позицію у Позоржицъ. Наканунѣ сраженія Г. Уварову было приказано съ полками Харьковскимъ, Черниговскимъ — драгунскими, Елисаветградскимъ гусарскимъ и 12-ю конною батарею изъ колонны кн. Лихтенштейна перейти на подкрайненіе войскъ Багратиона и стать на лѣвомъ флангѣ его расположенія. Помощникомъ къ Уварову былъ назначенъ Гижицкий.

Утро 20 ноября было необыкновенно туманно. Колонны наудачу шли въ назначенный имъ мѣста. Окутанныя мглою, даже когда уже вполнѣ разсвѣло, они въ 10 шагахъ не могли различать предметы. Можно было наткнуться на всякия неожиданности. И войско дѣйствительно наткнулось на совсѣмъ неожиданное препятствіе — на французовъ тамъ, где имъ, по диспозиціи Вейротера, быть не полагалось. Наполеонъ не только не думалъ уклоняться отъ боя, но, наоборотъ, самъ перешелъ въ наступленіе, зная о движениіи союзниковъ на его правый флангъ. Онъ подъ Аустерлицемъ повторилъ маневръ, который за много прѣдь тѣмъ вѣковъ продѣлалъ Александръ Македонскій въ Арбельскомъ сраженіи (10-го июня 331 года до Р. Х.): французы, обрушившись на нашъ центръ, разрѣзали армію по поламъ, овладѣли ключемъ позиціи (Праценскія высоты) и одержали полную победу.

Еще до боя полки Г. Уварова были расположены лѣвѣ с. Голубицъ, впереди оврага, по вершинѣ и по склонамъ возвышенности. Французскій маршаль Ланть, стоявшій противъ Багратиона, дѣйствовалъ вначалѣ оборонительно. Когда-же войска наши были сбиты съ Праценскихъ высотъ и центръ былъ порванъ, онъ перешелъ въ наступленіе. Къ тому вре-

мени туманъ разсѣялся, и «Солнце Аустерлица», которое такъ любилъ послѣ вспоминать Наполеонъ, освѣтило поле битвы «трехъ императоровъ» и наши неудачи. Багратіонъ долго удерживалъ стремленіе французовъ. На его лѣвомъ флангѣ Уваровъ два раза успѣшино атаковывалъ кавалерію Лана и тѣмъ на нѣкоторое время задержалъ наступленіе непріятеля. Но бывшая противъ него конница была скоро усиlena пѣхотою, драгунскою дивизіею и кирасирами. Наші драгуны и гусары, неустранимые этимъ, бросились было въ атаку съ отчаянною храбростью, но, подавляемые численностью, были опрокинуты съ большимъ урономъ за оврагъ съ потерей своей артиллеріи¹⁾. Наравнѣ съ другими полками Уварова ходили въ атаку и Харьковцы съ Гижицкимъ во главѣ, а послѣ «отретировались въ порядкѣ». Ослабленный отступленіемъ кавалеріи принужденъ былъ отступить и Багратіонъ, но, стремительно преслѣдуемый французами, одержавшими верхъ ужъ повсюду, отходилъ медленно, неся страшные потери. Остановился Багратіонъ у с. Раусницъ, кавалерія Уварова стала лѣвѣ его. Она, не смотря на то, что ей пришлось отступать передъ многочисленною французской конницею, тѣмъ не менѣе за свои смѣлые атаки кирасиръ заслуживаетъ только похвалу. Французы сидѣли на сытыхъ лошадяхъ, тогда какъ лошади нашей кавалеріи нѣсколько дней кормились, по винѣ австрійцевъ, одною только соломою²⁾; почему особенной стремительности въ атакахъ здѣсь и не могло быть. Всѣ войска Багратиона, когда другія бѣжали, медленно и въ порядкѣ отступали; и послѣ, составя арріергардъ, прикрывали послѣднєе отступленіе нашей арміи чрезъ Вишнѣ. Потери союзниковъ въ сраженіи подъ Аустерлицомъ были громадны.

Въ вѣдомости обѣ убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ, нѣскоро составленной послѣ сраженія, потери Харьковскаго полка показаны слѣдующія:

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе 1-ой войны Ал. I съ Нап. въ 1805 г.

²⁾ Богдановичъ. Ист. цар. Алекс. I, т. II, ст. 79.

Убиты и безъ вѣсти пропали:

Подпоручикъ Курносовъ	1
» Шимковъ	1
унтеръ-офицеровъ	3
рядовыхъ	103
лошадей строевыхъ	99.

Р а н е н ы:

Шефъ Г.-М. Гижицкій	1
Капитанъ Адамовъ	1
Подпоручикъ Курносовъ	1
Пропорщикъ Десауэпланъ	1
» Краевичъ	1
унтеръ-офицеровъ	5
трубачъ	1
рядовыхъ	29
лошадей	109 ¹⁾ .

Чрезъ нѣсколько дній въ полкъ возвратились изъ числа показанныхъ убитыми раненый Подпоручикъ Курносовъ и 21 рядовыхъ, изъ нихъ также были нѣкоторые ранены; у всѣхъ ихъ во время сраженія были убиты лошади, и имъ, сразу отрѣзаннымъ отъ своихъ, съ трудомъ удалось кружнымъ путемъ, долго отсиживаясь и прячась, ускользнуть отъ французовъ и разыскать свой полкъ. Бѣжали также и нѣкоторые захваченные въ пленъ. Такихъ изъ всей арміи набирались тысячи. Они чрезъ Богемію и Силезію съ большимъ трудомъ, питаясь подаяніями, пробирались обратно въ Россію. Такъ, въ разное время убѣжали изъ пленя Харьковскаго полка 10 человѣкъ нижнихъ чиновъ ²⁾.

Поручикъ Шимковъ во время атаки непріятельскихъ кирасиръ налетѣлъ со своимъ взводомъ прежде всего на отдельную группу французскихъ всадниковъ и почти всѣхъ ихъ перерубилъ, а послѣ рубился съ кирасирами, подавая примѣръ и увлекая своихъ подчиненныхъ. Кровь изъ многихъ ранъ лилась изъ него ручьями, но онъ, не замѣчая того, продолжалъ работать саблею, пока, обезсиливъ отъ потери крови, не лишился чувствъ и не свалился съ лошади. Храбрый по-

¹⁾ Мос. арх. оп. 152, № 564.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

ручикъ получилъ 7 тяжелыхъ ранъ—2 въ голову, 1 въ животъ и 4 въ лѣвую руку. Долго пролежалъ безъ сознанія Шимковъ среди многочисленныхъ убитыхъ и умиравшихъ раненыхъ, оглашавшихъ своими стонами покинутое поле сраженія. Сырость холодной осенней почі привела его, наконецъ, въ чувство; лихорадка била его. Не имѣя силъ подняться, продолжалъ лежать онъ въ темнотѣ, видя зарево отъ костровъ и слыша радостные крики французовъ, праздновавшихъ побѣду и день коронаціи своего любимаго императора. Въ такомъ ужасномъ положеніи, томимый жаждою и испытывая нестерпимыя боли, пролежалъ Шимковъ около сутокъ. Разбирая на другой день раненыхъ и убитыхъ, французы подняли и его, подали первую помощь и перевезли въ Брюннъ, гдѣ Шимковъ оставленъ быть на излеченіе. Кое-какъ поправившись и сдѣлавшись свободнымъ по размѣнѣ пленныхъ, побрелъ Шимковъ пѣшкомъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ, къ границамъ Россіи, въ свой полкъ. Пѣшкомъ онъ добрался до Львова (Лембергъ) и тамъ, видимо, досталь денегъ, такъ какъ населеніе Галиціи самымъ сочувственнымъ образомъ относилось къ нашимъ войскамъ. Прибывъ въ мартѣ 1806 года въ полкъ, Шимковъ представилъ свидѣтельство доктора музыкального полка Крузе о полученныхъ имъ тяжкихъ ранъ. Но свидѣтельства ему было не нужно, ибо къ тому времени раны его не успѣли закрыться вполнѣ. Гижицкій, на глазахъ у котораго Шимковъ выказалъ незаурядное мужество, свидѣтельствуя въ своеемъ рапортѣ о подвигахъ этого достойнаго офицера, просилъ начальство наградить его ¹⁾.

Въ числѣ отличившихся въ сраженіи 20 ноября, во время атаки непріятельской кавалеріи показаны Харьковскаго полка: Г.-М. Гижицкій, Подполковники Миницкій и Юзефовичъ. Шефъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владимира 3-й степени, второй получилъ ту же награду 4-й степени, а послѣдній золотое оружіе, съ надписью «за храбрость» ²⁾; Капитанъ Ада-

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1556.

²⁾ Мос. арх. оп. 152, св. 563.

мовъ, извѣстный своимъ подвигомъ въ битвѣ при Маціеви-цахъ, раненый подъ Аустерлицомъ, былъ награжденъ чиномъ.

Сраженiemъ 20 ноября закончилась наша первая война съ Наполеономъ, перемиріе было подписано уже 26 ноября. Полки потянули обратно въ предѣлы Россіи, идя чрезъ Венгрию и Галицию. Хотя недостатокъ въ продовольствіи и позднее холодное время дѣлали походъ тяжелымъ, но его облегчали радуше и гостепріимство жителей. Венгерцы и галичане старались оказать нашимъ войскамъ замѣчательное вниманіе и расположение: всюду торжественно встречали, угождали, ни за что не брали платы и заботились о нашихъ больныхъ и раненыхъ.

Простоявъ некоторое время въ м. Теофильѣ, полкъ въ мартѣ 1806 года прибылъ въ г. Радомыслъ, где и расположился на квартирахъ. Здѣсь началь приводить онъ въ порядокъ свою разстроенную материальную часть и поправлять лошадей, выпустивъ ихъ съ 1-го мая на подножный кормъ на отведенныхъ настыбахъ въ Свирскомъ и Васильковскомъ повѣтахъ¹⁾.

Глава XIV.

Разгромъ Пруссіи.—Мольба ея о помощи.—Объявление войны.—Главнокомандующій гр. Каменскій.—Выступленіе полка въ походъ.—Смертность 1806 года.—Инспекторскій смотръ.—Манифестъ объ ополченіи.—Просьба Гижицкаго.—Его письмо.—Дѣло подъ Шумовымъ.—Занятие м. Острова.—Юзефовичъ—кавалеръ ордена Св. Георгія.—Неудача Эссена I подъ Остроленкою.—Причины бездѣйствія корпуса.—Голодъ, виновники его—жиды.—Назначеніе Гижицкаго въ Молдавскую армію.—Экспедиція Юзефовичу къ Гонедзу.—Конецъ войны.—Расположеніе на зимнихъ квартирахъ.

Приказомъ по арміи Наполеонъ объявилъ «безумнымъ» пруссакамъ войну и подъ Іеною и Аурштедтомъ разгромилъ и совершенно уничтожилъ ихъ армію, чѣмъ угрожалъ и всему королевству. На нѣмцевъ напалъ паническій страхъ—ихъ крѣпости сдавались Наполеону безъ боя одна за другой. На краю гибели король умолялъ Императора Александра помочь ему. И великодушный Монархъ нашъ, забывъ, что тотъ же король не пожелалъ принять участіе въ первой войнѣ съ французами, не смотря на предложеніе Россіи, рѣшилъ оказать ему помощь. Армія наша начала приготовляться къ новому походу. Она была раздѣлена на дивизіи, вместо прежнихъ инспекцій, каждая дивизія заключала въ себѣ всѣ роды оружія. Харьковскій полкъ, при этомъ новомъ раздѣленіи, былъ назначенъ въ 10 дивизію Миллера-Закамельскаго и въ бригаду Г.-М. Гижицкаго (Харьковскій, Черниговскій—драгунскіе и Ахтырскій гусарскій). Дивизія эта къ предстоящей кампаніи назначалась въ составъ корпуса Эссена I. Объявление войны послѣдовало 18 ноября 1806 года, главнокомандующимъ былъ выбранъ престарѣлый Фельдмаршалъ гр. Каменскій, подъ начальствомъ котораго полкъ Харьковскій,

¹⁾ Ibidem, № 312.

32 года тому назадъ, уже состояль въ первую турецкую войну. Каменскій самъ признавалъ себя неспособнымъ «къ командованію столь обширными войсками». Скоро послѣ открытия кампаніи, получивъ ссадину отъ сѣда, не желая «терять своей прежней славы», онъ уѣхалъ изъ арміи, передавъ командованіе Буксгевдену.

Еще за мѣсяцъ до объявленія войны Харьковскій полкъ получилъ неожиданное экстренное повелѣніе выступить въ 24 часа. Наскоро и кое-какъ собравшись, выйдя въ походъ 6 октября, полкъ началъ переходить изъ города въ городъ, задерживаясь въ нѣкоторыхъ на непродолжительное время. За полкомъ тянулось до г. Ровно около 200 человѣкъ¹⁾ пѣшихъ, вслѣдствіе недостатка лошадей, а конская амуниція оставлена была при запасномъ полуэскадронѣ въ г. Радомыслѣ. Въ концѣ декабря Харьковцы перешли границу прусскихъ владѣній, и 1 января 1807 года застало ихъ на маршѣ въ с. Старая Пруссанка Тыкоцинскаго дистрикта (теперь Ломжинской губ.). Истекшій 1806 годъ отличался очень большою смертностью: въ полку въ теченіи 11 мѣсяцевъ (за ноябрь неѣть рапорта) умерло 101 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Особенно большая смертность пришлась на мартъ (26) и, начавшись съ января, продолжалось до мая, тогда какъ въ другіе мѣсяцы была очень незначительна. Это-же самое замѣчается въ первые мѣсяцы и относительно лошадей (въ январѣ пало 48) и было, конечно, слѣдствіемъ Аустерлицкаго погрома и похода минувшей войны—дохли лошади раненныя и изнуренныя. Въ теченіи 1806 года ихъ пало 146. Къ тому-же, убыль лошадей 1805 года далеко еще не была пополнена. Гижицкій въ рапортѣ своемъ (21 ноября 1806 года) на Высочайшее имя доносилъ, что главный ремонтеръ, Г.-М. Ильинскій, не доставилъ въ полкъ 182 лошади на мѣсто убитыхъ, тяжело раненыхъ въ сраженіи и пришедшихъ въ негодность. Вслѣдствіе такого громаднаго недостатка лошадей,

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

Гижицкій, по приказанію начальства, сформировалъ изъ полка только 4 эскадрона и съ ними продолжалъ походъ, а оставшіе 196 человѣкъ пѣшихъ чиновъ были отправлены съ похода обратно подъ командою Маюра Адамова въ г. Радомыслъ²⁾. О большомъ некомплектѣ въ Харьковскомъ полку (52 человѣка и 182 лошади) доносилъ на Высочайшее имя и Г.-Ад. кн. Долгорукій, производившій инспекторскій смотръ. Результатомъ его инспекторъ остался вполнѣ доволенъ, такъ какъ полкъ представился ему въ совершенномъ порядкѣ: обмундированіе было хорошо, сортъ лошадей прекрасный; особенно былъ хороший ремонтъ прошлаго года, купленный самимъ полкомъ—многія лошади, по словамъ Долгорукаго, были отличны и годились бы въ кирасирскіе полки. При этомъ лошади всего полка были содержаны хорошо и въ отличномъ тѣлѣ. Строевымъ образованіемъ инспекторъ остался также доволенъ, кромѣ стрѣльбы, которая заставляла желать лучшаго. О шефѣ полка Долгорукій отзывался въ своемъ рапортѣ съ самой лучшей стороны, хваля его стараніе и заботливость. Это-же самое говорилъ онъ и о всѣхъ эскадронныхъ командирахъ²⁾. У Гижицкаго былъ прекрасный помощникъ, полковой командиръ, Подполковникъ Юзефовичъ, впослѣдствіи шефъ Харьковскаго-же полка, офицеръ выдѣлявшійся и известный въ арміи своими способностями.

Манифестъ (30 ноября 1806 года) повелѣвалъ составить по губерніямъ временный земскій ополченія (милиціи), «готовыя повсюду и мгновенно на подкѣпленіе армій регулярныхъ и могущія предоставить непріятелю на каждомъ шагу непреоборимыя силы». Дѣйствіе манифеста было распространено на 31 губернію, въ число коихъ не вошла Волынская, какъ и всѣ земли, недавно присоединенные отъ Польши. Гижицкій, владѣвшій имѣніемъ на Волыни, не хотѣлъ отставать отъ русскихъ, несшихъ свои пожертвованія

¹⁾ Мос. арх. оп. 152, св. 323.

²⁾ Ibidem.

отечеству: онъ снарядилъ на свой счетъ 12 конныхъ милиционеровъ, хорошо одѣтыхъ, на прекрасныхъ лошадяхъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ и просилъ позволенія зачислить ихъ въ свой полкъ. О просьбѣ Гижицкаго Эссенъ I донесъ Государю и отъ себя просилъ Императора исполнить желаніе шефа, прибавляя, что онъ это дѣлалъ, какъ ему хорошо известно, исключительно изъ усердія къ службѣ¹⁾). Самъ Гижицкій написалъ Государю слѣдующее письмо:

«Je suis née d'une famille, qui avait toujours un inviolable attachement pour sa patrie. La Pologne est tant en danger, je crois de mon devoir d'y apporter ma vie et ma fortune pour la secourir; mais comme le sort en a disposé sa perte, je me trouve trop heureux, comme tous mes compatriotes d'être sous le Règne de Votre Majesté Impériale et servant avec rèle et attachement sous vos drapeaux, je me croirais, Sire, un de vos plus heureux sujets, si je pouvais encore contribuer par ma petite fortune à la défense de la nouvelle patrie. Le Gouvernement de Vollini, où se trouve ma petite terre, est tout exempt par Vos suprêmes ordres, de mettre la milice sur pieds; j'ose supplier Votre Majesté Impériale, de vouloir bien permettre que douze cavaliers complètement montés et équipés, à mes propres frais, soient placés comme surnumérotés dans le Régiment, que jai l'honneur de commander. Pour moi je croirais remplir ma carrière, si en marchant en personne contre l'ennemi, je pouvais verser jusqu'à la dernière goutte de mon sang, pour le service de Mon Auguste et bien aimé souverain.

*Jai l'honneur d'être avec le plus profond Respect
Sir, de Votre Majesté Jmpériale.*

*Le très humble et très obeissant sujet
Barthélémi Gizycki
Chef du Régiment de Harkov Dragon.*

(Я принадлежу къ семье, которая всегда отличалась неизменной преданностью къ своему отечеству. Если-бы Польша

¹⁾ Ibidem № 380.

находилась въ опасности, то я считалъ-бы своею обязанностью принести свою жизнь и имущество на ея защиту. Но судьба рѣшила ее гибель. Я, какъ и всѣ мои соотечественники, считаю себя слишкомъ счастливымъ быть подъ властью Вашего Императорскаго Величества. Вѣроно служа подъ Вашими знаменами, я почиталь-бы себя, Государь, однимъ изъ счастливѣйшихъ Вашихъ подданныхъ, если-бы могъ, къ тому-же, своимъ маленькимъ состояніемъ способствовать защитѣ моего новаго отечества. Волынская губ., гдѣ находится мое маленькое имѣніе, исключена манифестомъ Вашего Величества отъ поставки ополченія. Позволяю себѣ умолять Ваше Императорское Величество разрѣшить мнѣ зачислить 12 всадниковъ, на мои собственные средства вполнѣ снаряженыхъ и обмундированныхъ, сверхъ комплекта въ полкъ, коимъ я имѣю честь командовать. Свой-же долгъ я сочту исполненнымъ, лично участвую въ походахъ противъ врага и проливая кровь до послѣдней капли, служа моему Августѣйшему и Возлюбленному повелителю.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъуваженіемъ Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій и послушнѣйшій подданный Бартоломей Гижицкій, шефъ Харьковскаго драгунскаго полка).

Государь чрезъ военного Министра разрѣшилъ Гижицкому зачислить его милиционеровъ въ полкъ. Послѣ отѣзда шефа въ Молдавскую армію, куда онъ былъ временно командированъ, 4 изъ его милиционеровъ уѣхали, а остальные 8 были выключены изъ полка по распущеніи ополченія (манифестъ отъ 27 сентября 1807 года)¹⁾.

Тѣ сраженія, въ которыхъ полку Харьковскому въ 1807 году пришлось принимать участіе, не были упорны и кровопролитны, какъ подъ Прейсишъ-Эльмау и Фридландемъ. Эссенъ, командовавшій корпусомъ силою около 38 тысячъ человѣкъ, не отличался особенною дѣятельностью и предпримчивостью.

¹⁾ Ibidem.

Къ тому-же и роль его была болѣе пассивная, такъ какъ ему пришлось расположиться между Бугомъ и Наревомъ, «имъя предметомъ дѣйствій защиты русской границы отъ Гродно до Бреста-Литовскаго». Наполеонъ также приказалъ своему маршалу, стоявшему противъ Эссена, быть въ оборонительномъ положеніи и только не допускать его до соединенія съ Бенигсеномъ.

Первое дѣло для Харьковцевъ произошло 9 января подъ м. Шумовымъ (Ломжинскаго уѣзда), гдѣ присутствіе непріятеля былоstryто разъѣздомъ Харьковскаго полка подъ начальствомъ Поручика Лисовскаго. Получивъ о томъ свѣдѣніе, Гижецкій поѣхалъ было въ Замбровъ, чтобы лично въ томъ уѣдѣться; получивъ-же новое донесеніе отъ казацкаго офицера, что французы идутъ къ этому городу изъ Шумова, онъ поспѣшилъ сдѣлать распоряженія для встрѣчи. Но оказалось, что видимые казакомъ войска были его-же земляки донцы полка Карпова. Тогда Гижецкій отмѣнилъ отданныя приказанія и назначилъ отрядъ для нападенія на Шумово: 100 человѣкъ Харьковскихъ драгунъ онъ послалъ въ д. Остружево на д.д. Росохаты и Дlugобоже, эскадронъ Маріупольскихъ гусаръ на д. Воля, а сотню казаковъ на д. Свидовцы въ д. Бурзинево. Общее начальство надъ ними Гижецкій поручилъ полковому командиру Маріупольского полка Полковнику Ланскому, приказавъ ему атаковать непріятеля въ самую полночь со всѣхъ сторонъ съ цѣлью выяснить его силы и попытаться, въ случаѣ успѣха, нѣкоторыхъ изъ нихъ захватить¹). Въ Шумовѣ, какъ оказалось послѣ, были два «отборные (d'elites) эскадрона» конно-егерскихъ полковъ. Въ проводники Ланскому Гижецкій далъ Поручика Лисовскаго, бывшаго уже около Шумова, хорошо знавшаго дороги и вызвавшагося къ тому-же идти при отрядѣ охотникомъ.

Предписаніе Гижецкаго Полковникъ Лонской исполнилъ въ точности. Прибывъ съ отрядомъ и окруживъ Шумово, онъ

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1606. Рапортъ Гижецкаго.

въ глухую, но свѣтлую полночь съ 8 на 9 января нѣожиданно атаковалъ непріятеля и выбилъ его на дорогу въ д. Глембочь, гдѣ казаки, отрѣзавъ французамъ отступленіе, ударили въ тылъ, тогда какъ съ другой стороны бросились на нихъ Харьковцы. Долго и отчаянно защищались французы; но, наконецъ, опрокинутые и смятые, стали, пробившись впередъ, отступать. Ихъ пустились преслѣдовать и гнали на разстояніи верстъ 7 до лѣса, начинавшагося вблизи м. Глембочь. Здѣсь французы, возстановивъ нѣкоторый порядокъ, повернули назадъ и отважно снова бросились въ битву. Окруженные со всѣхъ сторонъ, храбрые конно-егеря не хотѣли сдаваться. Они отчаянно рубились. Командовавшій ими капитанъ, весь израненный, долго боролся, воодушевляя своихъ егерей, пока мертвымъ не свалился съ лошади. Его эскадроны смыкались и ряды ихъ быстро уменьшались въ числѣ, но все таки не хотѣли положить оружіе. Лишь только 36 человѣкъ, силою взятыхъ въ пленъ, уѣхали изъ этихъ двухъ прекраснѣйшихъ эскадроновъ—остальные были убиты; 120 лошадей достались побѣдителямъ. Съ нашей стороны показана въ рапортѣ самая незначительная потеря: всего убитыми 3 нижнихъ чина и 3 лошади²). Изъ нихъ на долю Харьковцевъ пришлась одна лошадь³). Потеря наша можетъ показаться неправдоподобною, взять во вниманіе результаты боя, но, тѣмъ не менѣе, она вѣрна. Мѣсячные рапорты ошибаться или грѣшить умышленно не могутъ. Къ тому-же характера Наполеоновскихъ бюллетеней они не носятъ, и скрывать потери полкамъ нѣть основанія. О томъ-же, что непріятель защищался отчаянно, свидѣтельствуетъ громадное число убитыхъ сравнительно съ взятыми въ пленъ, французы-же народъ не таковъ, чтобы позволить убивать себя, смиренno подставивъ головы; но въ бою бываютъ иногда удивительныя вещи, часто идущія въ разрѣзъ всякой логикѣ.

¹⁾ Ibidem; Мос. арх. оп. 152, св. 568.

²⁾ Ibidem—рапортъ Гижецкаго и мѣс. рап. пол.

Въ удачномъ дѣлѣ подъ Шумовымъ Харьковцами командовалъ ихъ полковой командиръ Подполковникъ Юзефовичъ. Свою распорядительностью и умѣниемъ управлять въ бою, выжидая для того благопріятнаго момента, онъ болѣе другихъ способствовалъ успѣху экспедиціи. Отличились также въ числѣ другихъ поручики Плужанскій ¹⁾ и Лисовскій; послѣдній 24 того-же мѣсяца, командуя, въ качествѣ охотника, казаками, участвовалъ при уничтоженіи непріятельскаго драгунскаго эскадрона при д. Пески вмѣстѣ съ Полковникомъ Чернозубовымъ ²⁾.

22-го января полкъ участвовалъ въ нападеніи отряда Г.-М. Суворова на французовъ, занимавшихъ м. Острівъ. Войска наши напали на городъ съ нѣсколькихъ сторонъ, выгнали оттуда непріятеля, чѣмъ и окончилось дѣло. Вслѣдствіе назначенія шефа командовать бригадою, Харьковцами и не-большою частью казаковъ командовалъ въ этотъ день Подполковникъ Юзефовичъ. При столкновеніи съ непріятелемъ онъ врубился съ 3-мя эскадронами Харьковцевъ въ толпы кавалеріи и пѣхоты и съ такимъ мужествомъ сталъ тѣснить ихъ, что непріятель очистилъ свой правый флангъ. Это дало возможность Юзефовичу съ Харьковцами первому ворваться въ мѣстечко и проложить путь къ его занятію всему отряду. За это лихое дѣло Подполковникъ Юзефовичъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 класса; при этомъ также ему засчиталось и отличие его подъ Шумовымъ ³⁾. Въ день 22-го января полкъ потерялъ убитыми Вахмистра Магористаго и 11 лошадей; ранены были Прапорщикъ Михаилъ Зембровскій, нижнихъ чиновъ 11, изъ нихъ 2 тяжело, и 10 лошадей ⁴⁾.

29-го французы при м. Сѣбневѣ захватили въ пленъ съ пикета 2 юнкеровъ и 1 рядового съ лошадьми ⁵⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1606.

³⁾ Ibidem, Мос. арх. оп. 152, св. 563 и его форм. спис.

⁴⁾ Мѣс. рап. пол.

⁵⁾ Ibidem.

4 февраля полкъ ходилъ подъ г. Остроленку, на которую Эссенъ велъ только ложную атаку, желая облегчить отступление Волконскому, потерпѣвшему большое пораженіе на правомъ берегу Нарева. Подъ Остроленко Эссенъ встрѣтилъ большее сопротивленіе и, послѣ кровопролитнаго боя, долженъ быть ретироваться къ Высоко-Мазовецкѣ, преслѣдуемый французами. Отступленіе отряда до самой глубокой ночи прикрывали Харьковцы съ 4-мя конными орудіями подъ командою Юзефовича. Въ этотъ день былъ раненъ Поручикъ Лисовскій пулею въ бокъ и очень тяжело. Подпоручикъ Петръ Зембровскій—ему ядро вырвало правое колѣно, отчего онъ вскорѣ и умеръ. Лошадей было убито 3, ранено 8 ¹⁾.

Съ этого времени войска Эссена бездѣствовали, за что онъ и былъ уволенъ отъ командованія. Его замѣнилъ Тучковъ I. Это бездѣствіе, вирочемъ, было вызвано болѣйшимъ недостаткомъ въ продовольствіи, такъ какъ поставка его, порученная исключительно жиdamъ, вслѣсъ самимъ безобразнымъ образомъ. Войска были вынуждены сами искать себѣ пропитаніе и бѣли одинъ только картофель, находимый ими въ ямахъ, въ которыхъ жители того края имѣютъ обыкновеніе закапывать его на зиму. Продуктъ этотъ въ той бѣдной странѣ составляетъ почти единственную пищу. Лишенное и этого скучного пропитанія, населеніе пришло въ самое жалкое состояніе. Слѣдствіемъ голода явились заразительныя болѣзни; особенно умирали грудные дѣти, такъ какъ матери не могли кормить ихъ отъ полнаго истощенія и безсилія. Всѣ населенные пункты были разорены совершенно; даже соломенные крыши строеній пошли на кормъ для лошадей, и дохли они массами отъ голода, когда даже этой скучной пищи не было на много верстъ кругомъ ²⁾.

Виповники-же всего этого разоренія края, страданія жителей и войскъ—жиды—подрядчики безнаказанно набывали

¹⁾ Ibidem и Воен. Уч. арх. I, № 1606.

²⁾ Михайловскій Дан. сл.

себѣ карманы, наслаждаясь несчастьемъ, что имъ удалось причинить ненавистнымъ «гоямъ», кои такъ были наивны, что вѣрили продовольствіе войскъ разныимъ этимъ Герговицамъ, Коганамъ, несоставляющимъ среди этого недостойнаго народа печальнаго лишь исключение.

Со времени битвы подъ Остроленкою до іюня полкъ находился въ полномъ бездѣйствіи, перемѣнивъ 9 лагерей. Гижецкій тогда, по распоряженію Г.-Ад. Миллера-Закамельскаго, сдалъ полкъ Юзефовичу и отправился въ Молдавію для командованія Кинбургскимъ драгунскимъ полкомъ. Донося о томъ начальству, начальникъ дивизіи отзывался съ болѣшою похвалою о дѣйствіяхъ шефа во время командованія имъ передовыми отрядами¹⁾.

При отступлениі корпуса гр. Толстого къ Бѣлостоку, отрядъ силою въ 11 эскадроновъ, въ числѣ коихъ и Харьковские, былъ высланъ подъ начальствомъ Юзефовича форсированнымъ маршемъ изъ лагеря подъ м. Снедовымъ (11 іюня) къ м. Гоненду. Юзефовичу было приказано, предупредивъ непріятеля, угрожавшаго по слухамъ нашему правому флангу, уничтожить всѣ переправы на Бобрѣ и задержать тѣмъ французовъ. По прибытии въ Гоненду, Юзефовичъ занялъ своими эскадронами пространство отъ м. Осовца (не далеко отъ Гоненда) до г. Августова (9 миль). На Бобрѣ и вблизи непріятеля не оказалось. Вся тревога была основана лишь на слухахъ о немъ, повѣривъ которыми, бѣжалъ въ Гродну стоявшій здѣсь прусский баталіонъ и команда Волынского мушкетернаго полка въ Бѣлостокъ. Юзефовичъ поставилъ наблюдательные посты около Гоненда, ниже—на Осовецкой переправѣ и еще ниже, противъ д. Сосни, гдѣ иѣкогда Карлъ XII переправилъ свои войска чрезъ Бобрь. Кромѣ того, по рѣкѣ посыпались разѣѣзы²⁾.

¹⁾ Воен. Учен. арх. I, № 1589.

²⁾ Ibidem. Рапортъ Юзефовича Толстому.

15 іюня сдѣлано было нападеніе на отрядъ Юзефовича, но было отбито; въ Гоненду былъ спасенъ провантскій магазинъ, обильный запасомъ. Непріятель дѣлалъ попытку перенравиться малыми частями и у Августова, но стоявший здѣсь съ двумя Харьковскими эскадронами Поручикъ Нестелей, выказавъ большую распорядительность, не допустилъ французовъ перейти рѣку.

Во время пребыванія полка на Бобрѣ былъ заключенъ (27 іюня) Тильзитскій миръ, окончившій 2-ю войну съ Наполеономъ. Съ 31 октября полкъ находился уже на зимнихъ квартирахъ въ м. Зельвѣ (Гродненской губ.), гдѣ былъ размѣщенъ штабъ и одинъ эскадронъ; подъ свое расположение, не считая Зельвы, полкъ занялъ 12 окрестныхъ деревень и мѣстечекъ. Съ полкомъ прибыль сюда пѣшій эскадронъ и запасный полуэскадронъ, присоединившіеся къ нему по дорогѣ.

Въ войнѣ 1807 года рядовой Кондратъ Козловъ за отличие, выказанное имъ въ разныхъ дѣлахъ, былъ награжденъ Знакомъ Отличія Военнаго Ордена, только что учрежденнымъ Императоромъ Александромъ I; имъ награждались нижніе чины лишь за военные подвиги. Орденъ этотъ соотвѣтствуетъ ордену Св. Георгія, коимъ награждаются офицеры за такие же подвиги; формою и изображеніемъ на немъ патрона всадниковъ онъ подобенъ первому. Такимъ образомъ, рядовой Козловъ былъ первымъ георгіевскимъ кавалеромъ изъ нижнихъ чиновъ Харьковскаго полка.

Глава XV.

Характеристика Г.-М. Гижицкаго.—Новый шефъ кн. Друцкой-Соколинскаго.—Харьковский полкъ въ строевомъ отишении начинаетъ отставать отъ другихъ.—Походъ въ Галицию.—Многочисленные побѣды; причины ихъ вызывавшія.—Назначеніе шефомъ полка Юзефовича.

 Въ февралѣ 1808 года Варфоломей Каэтановичъ Гижицкій сдалъ Харьковскій полкъ и ушелъ въ отставку. Онъ въ четырехлѣтній періодъ командаованія, благодаря своей неизмѣнной заботливости, довелъ полкъ до отличнаго состоянія. Всѣ высшіе начальники, дѣлавши смотръ ему, единогласно давали о немъ самые лестные отзывы и превозносили его шефа. Хотя Гижицкому и не пришлось принимать участіе въ какихъ либо серьезныхъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ, но, командуя передовыми отрядами, онъ все таки успѣлъ выказать и свои военные способности. По отношенію къ подчиненнымъ ему офицерамъ шефъ держалъ себя безукоризненно и былъ любезенъ въ обращеніи съ ними. Изъ аттестаций и представлений офицеровъ къ наградамъ видна несомнѣнная забота о нихъ и желаніе выдѣлить свой полкъ. Въ дѣль подъ Аустерлицемъ Харьковцы, руководимые Гижицкимъ, вели себя безупречно; подавляемые превосходными силами непріятеля, они принуждены были отступить, но, сдерживаемы шефомъ, совершили это, такъ сказать, съ достоинствомъ, медленно и въ порядкѣ; ни единый изъ его чиновъ не покинулъ рядовъ своихъ, примѣры чего были многочисленны¹⁾. Это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о внутреннемъ

порядкѣ и дисциплинѣ, царившихъ въ полку. Совмѣщая въ себѣ много хорошихъ качествъ, Гижицкій былъ только вспыльчивъ и горячъ и въ такихъ случаяхъ иногда забывался. Такъ, когда Харьковскій полкъ, находясь въ арріергардѣ Багратиона, прикрывалъ спѣшное, если не сказать болѣе, отступленіе нашихъ войскъ чрезъ Винчу, Гижицкій, въ пылу гибѣва, ударила полашемъ своего адъютанта, Прапорщика Джежелеева, и ранилъ его. Вѣроятно, адъютантъ не исполнилъ какого либо приказанія шефа, или передалъ его неувѣрио. При той громадной ответственности, лежавшей на Гижицкомъ, при путаницѣ и суматохѣ, обычныхъ при спѣшномъ отступленіи войскъ, легко было потерять самообладаніе, а равно и не исполнить или перенесутъ какое либо наскоро отданное приказаніе. Хотя произведенное по этому слѣдствію и выяснило, что Гижицкій ранилъ своего адъютанта неумышленно, но это могло служить оправданіемъ только до извѣстной степени. Джежелеева-же обвинили въ злобномъ характерѣ, въ грубости и въ разглаголеніи, будто Гижицкій ранилъ его на дуэлѣ, вели арестованного пѣликомъ въ границы Россіи и исключилъ потомъ изъ службы¹⁾). Можетъ быть, Джежелеевъ и былъ того достоинъ, только зачѣмъ-же шефъ предпочелъ его изъ числа другихъ офицеровъ, назначилъ адъютантомъ и держалъ при себѣ? Трудно допустить, чтобы командиръ въ течениі иѣсколькихъ лѣтъ не могъ-бы оцѣнить по достоинству каждого изъ своихъ подчиненныхъ. Во всякомъ случаѣ, Гижицкій въ числѣ командинровъ Харьковскаго полка долженъ занять видное и почетное мѣсто. Послѣ Чорбы ихъ было десять, и Гижицкій по своимъ всестороннимъ достоинствамъ стоитъ много выше всѣхъ ихъ.

Гижицкій сдалъ полкъ Г.-М. кн. Елиферю Васильевичу Друцкому-Соколинскому, человѣку еще молодому (37 лѣтъ), происходившему изъ стариннаго княжескаго рода, отрасль кн. Друцкихъ, ведущихъ свое начало отъ князей Полоцкихъ.

¹⁾ Мос. арх. 564; Воен. Уч. арх. I, № 4407. Подробный списокъ офицеровъ и нижніхъ чиновъ, самовольно ушедшихъ въ вагенбургъ, не бывъ даже ранеными, объявленъ былъ въ Высочайшемъ приказѣ.

Службу новый шефъ началъ въ Л.-Г. Конномъ полку и изъ вахмистровъ былъ выпущенъ въ армію капитаномъ. Послѣ его предшественника полкъ Харьковскій пѣкоторое время продолжалъ быть въ такомъ-же отличномъ состояніи, до котораго его довелъ Гижицкій. Изъ рапортовъ начальника 10 дивизіи Г. Левиза (1809 г.), дѣлавшаго смотръ, видно, что онъ остался имъ доволенъ, хотя выраженія въ его отчетѣ «надлежашій порядокъ», «къ службѣ годенъ»—были уже не таъ лестны для полка. Но тотъ-же Левизъ, спустя пѣкоторое время, въ рапортѣ своемъ къ Голицыну (командовавшему корпусомъ) доносилъ, что ему приходилось часто дѣлать замѣчанія кн. Друцкому-Соколинскому за разныя упущенія по службѣ въ Харьковскомъ полку, за безпорядки и объявлять о томъ даже два раза въ приказѣ по дивизії¹⁾. Подобныя же замѣчанія дѣлали шефу и бригадный командиръ Васильчиковъ. Левизъ одинъ свой рапортъ заканчиваетъ такъ: «по истинѣ за тѣмъ смыю доложить, что полкъ сей со времени командованія кн. Друцкого-Соколинскаго противу прежняго его состоянія дѣйствительно во многихъ частяхъ началь отставать». Хотя и Подполковникъ Юзефовичъ, прекрасный помощникъ, былъ прежній, и эскадронные командиры, офицеры и солдаты тѣ-же, а полкъ все таки въ такое короткое время стала слабѣть. Отсюда сама собою вытекаетъ давно известная, впрочемъ, истина, какое громадное значеніе имѣеть начальникъ на подчиненныхъ. Кн. Друцкой-Соколинский прокомандовалъ полкомъ не долго—въ 1810 году онъ былъ уже отчисленъ состоять по арміи. Еще за годъ предъ этимъ онъ отказывался отъ полка, прося позволенія уѣхать въ Петербургъ, «не бывши въ силахъ сносить долѣе напрасныхъ отъ меня (такъ писалъ Левизъ въ своемъ рапортѣ) притѣсненій и убѣгая, чтобы не попасть и больше у начальства въ дурное замѣчаніе²⁾.

¹⁾ Мос. арх. оп. 152, № 483.

²⁾ Ibidem.

Харьковскій полкъ въ 1809 году принялъ участіе въ походѣ въ Австрію. На этотъ разъ Россія выступила совмѣстно съ Наполеономъ противъ нея, обратившись, такимъ образомъ, изъ недавняго союзника во врага. Полкъ изъ г. Кобриня (въ немъ онъ находился съ ноября 1808 года) выступилъ въ походѣ въ числѣ 4-хъ эскадроновъ по составу военнаго времени, 686 человѣкъ всѣхъ чиновъ (до комплекта недоставало 35 человѣкъ) и 579 лошадей, изъ коихъ 60 было негодныхъ къ службѣ. Эскадронъ Маюра Адамова вышелъ въ составѣ резервнаго корпуса, а запасный полуэскадронъ остался на квартирахъ. Полкъ состоять въ арміи Голицына, въ дивизіи Левиза и въ бригадѣ Васильчикова.

Война для русскаго войска была безкровная и свелась только къ занятію Галиціи и къ походамъ въ предѣлы созданнаго Наполеономъ Герцогства Варшавскаго. Мирный договоръ былъ подписанъ 28 сентября—онъ вскорѣ послужилъ поводомъ къ недоразумѣніямъ между Императорами Александромъ и Наполеономъ.

Харьковскій полкъ пробылъ въ Галиціи съ 23 мая по 22 ноября. Въ продолженіи этого времени изъ полка убыло 2 нижнихъ чина умершими и 47 (въ 4-хъ эскадронахъ) бѣжавшими (изъ дивизіи 362, умерло 100)¹⁾. Это громаднѣшее число побѣговъ объяснялось тѣмъ, что въ полкахъ было очень много нижнихъ чиновъ—поляковъ изъ присоединенныхъ областей и что старые солдаты, прослужившіе даже болѣе 25 лѣтъ, неувольняемые въ отставку, убѣгали, потерявъ всякую надежду возвратиться когда либо въ свои семейства. Жаловались также солдаты и на то, что получали очень маленькое жалованіе и, при томъ ассигнаціями, которыя теряли на половину свою стоимость при разменѣ на серебро, исключительно бывшее въ обращеніи въ Галиціи. Большимъ соблазномъ для солдатъ-поляковъ было находившееся по близости Варшавское Герцогство, гдѣ ихъ охотно принимали—или на

¹⁾ Ibidem.